

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НИУ «БелГУ»)**

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

**МОНГОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В 20-40–Е ГГ. XX В.**

**Выпускная квалификационная работа
студента заочной формы обучения
направления подготовки 44.03.01.
Педагогическое образование, профиль История
5 курса 02031152 группы
Демченко Яна Викторовича**

**Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент
Дудка А.И.**

БЕЛГОРОД 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ МОНГОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 Г.....	16
1.1.Формирование основ монгольско-советского сотрудничества в начале 20-х гг.	16
1.2.Укрепление военно-политического сотрудничества МНР и СССР на фоне их взаимоотношений с Китаем и империалистической Японией в начале 20-х гг.	20
ГЛАВА 2. МОНГОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСИЛЕНИЯ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-НАЧАЛЕ 30-Х ГГ.	28
2.1. Взаимодействие Монголии и СССР в 1925-1928 гг.	28
2.2.Взаимоотношения Монголии и СССР на фоне агрессивной политики Японии в дальневосточном регионе в конце 20-начале 30-х гг.	50
ГЛАВА 3. АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МОНГОЛИИ И СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	72
3.1.Активизация сотрудничества МНР и СССР в середине 30-х гг.	72
3.2.Усиление экономического и военно-технического взаимодействия Монголии и СССР накануне и в годы Второй мировой войны	84
3.3.Завершение международно-правового оформления Монголии	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
Библиографический список	110
ПРИЛОЖЕНИЯ	118

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловливается целым рядом насущных теоретических и практических интересов и, прежде всего, потребностью исторической науки и российского общества в целом в переосмыслении опыта отечественной истории советского периода на различных периодах его приобретения. Происходившие в постсоветский период кардинальные изменения геополитических отношений поставило задачу серьезно скорректировать государственную политику в самых различных сферах, в том числе и во внешнеполитической деятельности Российской Федерации.

В этой связи представляет несомненный научный и практический интерес изучение исторического опыта монгольско-советского политического, экономического и военного сотрудничества в первую половину XX века; с начала установления монгольско-советских отношений¹.

Актуальность изучения и использования данного опыта определяется целым рядом положений, среди которых отметим следующее: прежде всего, тем, что после распада СССР оформилось главное противоречие в выборе российского внешнеполитического и экономического курса. Сторонники «евразийского направления» и «западной» внешнеполитической и экономической концепции Российской Федерации в своем стремлении ориентироваться на Запад, забывают при этом о многополярном строении мировой политической системы и не учитывают исторические особенности взаимоотношений между различными государствами.

Одной из главных целей внешней политики Российской Федерации является формирование добрососедских отношений с соседними

---

¹ Под термином «Монголия» в работе подразумевается территория Внешней Монголии; «Монгольская Народная Республика» - МНР с 1924 г. до 1992 гг. - с 12 февраля 1992 г., после вступления в силу новой конституции, официальное название – «Монголия».

государствами². В частности, об этом свидетельствует активизирующееся многоканальное сотрудничество Российской Федерации с Монголией, переход монгольско-российского взаимодействия на новую правовую основу.

Таким образом, актуальность проблемы взаимоотношений Монголии/МНР с СССР в политической, экономической и военной сфере с 1921 по 1946 гг., когда формировались основные направления сотрудничества, определяется как научными, общественно-политическими факторами, так и тем пристальным вниманием, которое уделяется в настоящее время проблемам отношений между Россией и сопредельными государствами.

Для изучения тенденций развития двусторонних отношений на современном этапе необходимо обратиться к опыту конструктивного взаимодействия МНР и СССР в первой половине XX в. Опыт имеет принципиальное значение в условиях нынешнего многополярного мира и отвечает стратегическим интересам Российской Федерации.

В условиях обострившейся конкуренции между имеющими свои интересы в Монголии крупными державами (Китай, США, Япония, страны ЕС, и др.) нельзя допускать дальнейшего ослабления внешнеполитических позиций России.

Курс на сближение двусторонних отношений по всем направлениям внешнеполитической и экономической деятельности между нашими странами, указанным в «Декларации о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией» подписанной президентами стран 2009 г.³ Текст декларации базируется на принципах равенства и взаимной выгоды между двумя странами, с учетом сохранения прежних достижений. Так, в частности, в нем говорится о «поддержании регулярных

---

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. :[Эл. ресурс]. – URL // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения 27.01.15)

³ Декларация о развитии стратегического партнерства (Улан-Батор, 25 августа 2009.) :[Эл. ресурс] .– URL // <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59197> (дата обращения 25.09.15)

политических контактов между Монголией и Россией, постоянного активного политического диалога на различных уровнях, укреплении взаимодействия между всеми ветвями власти»⁴.

Исходя из всего перечисленного, мы видим, что современные монгольско-российские отношения базируются на многолетнем опыте двустороннего сотрудничества советской эпохи. Накопленный опыт оказывает безусловное воздействие на нынешнее состояние отношений между странами. По этой причине обращение к ним и их анализ представляет несомненную важность и придает актуальность исследуемой проблеме.

Степень научной разработанности темы. К истории монгольско-советских отношений 20-40-х гг. XX века обращались многочисленные исследователи как монгольские, российские, так и западные. Односторонность классовой методологии советских историков, малая доступность архивных документов и тенденциозность западных исследователей ограничивали возможности по комплексному анализу данного вопроса. Монгольские авторы советского периода стремились к объективному анализу своего исторического прошлого, но не могли его осуществить в силу давления идеологических установок. Советские и западные ученые также испытывали влияние (каждая сторона - по-своему) в анализе процессов монгольско-советских отношений, что вполне объяснимо условиями противоборства двух мировых систем. Советские исследователи рассматривали сотрудничество с МНР в рамках «нерушимого монгольско-советского союза», и акцентировали внимание на помощь советской стороны в создании в Монголии современных экономических и социально-политических отношений, ориентированных на сотрудничество с нашей страной. Западные исследователи видели в двусторонних отношениях «коварную руку Москвы» и усматривали в действиях СССР далеко не бескорыстный умысел. Данная позиция тоже вполне объяснима противостоянием социалистического и капиталистического лагерей. Именно

---

⁴ Там же.

идеологическое давление выступало серьезным препятствием в создании объективных работ по истории монгольско-советских отношений.

Разнообразные аспекты отношений Монголии/МНР с Россией 1921-1946 гг. были исследованы в советский и постсоветский период историками различных стран.

В ранней советской историографии (20-40-х годов) большое внимание уделялось проблеме классовой борьбы в МНР. Вопросы политической жизни, как внутри страны, так и на международной сцене рассматривались через призму марксистско-ленинской теории. Подобная постановка вопроса в анализе монгольско-советских отношений полностью исключала освещение негативных сторон взаимоотношений между двумя странами.

Так, в работах монгольских историков, опубликованных на русском языке, таких как С.А Шойжелов⁵, анализ российской политики в Монголии был дан в контексте известного тезиса В.И. Ленина о существовании «двух» России для народов Востока - царской России - «реакционной и грабительской» и Советской России - «передовой и прогрессивной»⁶.

Традиционная советская историография 50-80-х гг. сохраняла идеологическую направленность, но появились работы, дававшие более объективное освещение процессов. В работах С.Л. Тихвинского, Г.В. Ефимова, Б.А. Романова, А.М. Дубинского, М.С. Капицы и других исследователей, получили широкое освещение вопросы колониальной политики государств на Дальнем Востоке. Тема взаимоотношений Монголии и Советского Союза рассматривалась в этих работах в общеисторическом контексте и продолжала трактоваться как «Монголия - младший брат СССР»⁷.

⁵ Шойжелов (Нацов) С.А. Материалы и документы по истории национально-революционного движения монгольских скотоводов. - М., 1930.

⁶ Ленин В.И. Национальная гордость великороссов // Полн. собр. соч. - Т. 26.

⁷ Тихвинский С.Л. Китай и соседи в новое и новейшее время. - М., 1982; Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. - М., 1972; Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). - М., 1965; Нарочинский А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. - М., 1968.

Под руководством С.Л. Тихвинского советскими востоковедами был исследован комплекс проблем взаимоотношений Китая (частью которого была нынешняя МНР) с Россией, Японией и Монголией. На основе оригинальных китайских источников, а также документальных материалов стран-соседей была воссоздана картина международных отношений в Восточной Азии. Также надо отметить большой вклад историка в подготовку и издание «Документов внешней политики России», а также документов о двусторонних и многосторонних связях Советского Союза со странами социалистического содружества⁸.

Достаточно детально освещены проблемы взаимоотношений МНР и СССР, а также раскрыто международное значение этого сотрудничества в таких работах как «Международные отношения на Дальнем Востоке» Г.В. Ефимова и А.М. Дубинского⁹. В этих трудах уделено большое внимание годам зарождения монгольско-советских экономических отношений. Наглядно показана роль советской помощи в осуществлении первых шагов социалистической индустриализации в Монголии, развития транспорта и связи, создания национальной денежной системы. Авторы дают также общую характеристику политических и экономических отношений двух стран в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Монография М.С. Капицы и В.И. Иваненко «Дружба, завоеванная в борьбе» и коллективная монография «Прочная дружба советского и монгольского народов» являются одними из первых исследований, в которых показаны многие аспекты становления и развития монгольско-советских политических и экономических отношений с 1917 г. и до 60-х гг.¹⁰.

Надо отметить, что до начала демократических реформ 1990-х гг. монгольские исследователи при изучении монгольско-советских отношений делали акцент на положительных моментах, признавая ключевую роль СССР в деле международно-политического и социально-экономического развития

⁸ Документы внешней политики СССР. - Т.1. - М., 1967.

⁹ Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. - М., 1972.

¹⁰ Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). - М., 1965.

МНР. В частности, в монографии «История МНР» авторы отмечают главенствующую роль СССР в деле обретения Монголией независимости и экономического прогресса в форме некапиталистического развития¹¹.

На этом фоне были заметны и чисто монголоведческие исследования М.И. Гольмана, И.Я. Златкина, Д.Б. Улымжиева, С.К. Рощина, А.И. Соболева, В.В. Грайворонского, Ш.Б. Чимитдоржиева, С.Д. Дылыкова и др.¹²

Так, крупным специальным историографическим исследованием, освещающим развитие монголоведения в странах Западной Европы и США, является труд М.И. Гольмана «Изучение истории Монголии на Западе XIII середина XX веков»¹³.

В исследовании И.Я. Златкина «Очерки новой и новейшей истории Монголии» продолжается всестороннее освещение новой и новейшей истории Монголии с позиции бескорыстной помощи СССР «братскому» народу Монголии. Книга содержит богатый цифровой материал о народном хозяйстве МНР и многочисленные факты экономического сотрудничества между двумя странами с 1920 по 1948 гг.¹⁴

В работе Д.Б. Улымжиева «Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов» освещаются истоки дружбы монгольского и советского народов, роль Советского Союза в защите национальной независимости Монгольской Народной республики; политические, экономические, торговые и культурные связи МНР и СССР и их место в двухстороннем внешнеполитическом диалоге¹⁵.

В исследованиях С.К. Рощина, А.И. Соболева, В.В. Грайворонского и др. монголоведов проводится детальный анализ роли внешнего фактора

¹¹ История Монгольской Народной Республики. - М., 1954

¹² Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе XIII - XX в. - М., 1988; Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. - М., 1957; Улымжиев Д. Б. Дружба советского и монгольского народов. - Улан-Удэ, 1961; Рощин С.К. Развитие социалистических отношений в МНР. - М., 1979; Соболев А.И. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. - М., 1978; Грайворонский В.В. От кочевого образа к оседлости (на опыте МНР). - М., 1978; Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. - М., 1963; Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987.

¹³ Гольман М.И. Указ.соч. - М., 1988.

¹⁴ Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии - М., 1957.

¹⁵ Улымжиев Д. Б. Дружба советского и монгольского народов. - Улан-Удэ, 1961.

влияния СССР в формировании монгольской национальной экономики. Данный анализ присущ в той или иной степени всем советским историкам, изучавшим монгольско-советское сотрудничество после монгольской революции 1921 г. При этом наиболее часто рассматривались традиционные формы внешнеэкономических связей двух стран¹⁶.

В связи с 60-летием Монгольской народной революции монголоведческая литература на русском языке пополнилась рядом крупных монографических исследований. Среди них выделяется монография «История советско-монгольских отношений», подготовленная сотрудниками Института востоковедения АН СССР. Ее авторы рассматривают историю монгольско-советских контактов по периодам: 1921-1924 г.; 1924-1940 г.; 1941-1945 г., которые соответствуют историческим этапам развития этих отношений¹⁷. В данной монографии использованы тексты исторических договоров о дружбе и взаимопомощи между двумя странами, о развитии экономических, культурных и научных связей, сотрудничестве между СССР и МНР в годы Второй мировой войны, дальнейшем укреплении и развитии многообразных контактов между странами в социалистическом лагере и т.д.

Вместе с тем, несмотря на значительный вклад советских историков в освещение монгольско-советских отношений, в работах 60-80-х годов преобладала несколько формальная и односторонняя оценка основных событий того периода.

Возможность отойти от жестких идеологических штампов появилась лишь в начале 90-х гг. В это время вышли в свет ряд научных работ, в которых излагалась принципиально новая точка зрения по истории внешней политики СССР в 20-40-е гг.

---

¹⁶ Рошин С.К. Развитие социалистических отношений в МНР. - М., 1979; Соболев А.И. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. - М., 1978; Грайворонский В.В. От кочевого образа к оседлости (на опыте МНР). - М., 1978; Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. - М., 1953

¹⁷ История советско-монгольских отношений. - М., 1981.

Снятие грифа «Секретно» с архивов, отмена запрета с таких тем как репрессии 30-х гг., заставили по-новому посмотреть на многие аспекты монгольско-советских отношений в рассматриваемый период. В первую очередь это касается истории панмонголизма, национально-освободительного движения в Монголии, борьбы за суверенитет МНР.

Появляются многочисленные статьи и сборники по монгольской тематике российских монголоведов, затрагивающие, как общетеоретические вопросы, так и конкретные аспекты монгольской истории.

Так, в научных статьях Ю.А. Ватлина, Ю.М. Галеновича, и др. постсоветских историков происходят рачительные перемены не только в освещении отдельных событий, но и в целом на весь спектр освещения монгольско-советских взаимоотношений в данный период времени¹⁸.

Большое внимание в этих работах уделяется внутривластной борьбе как в ВКП (б), так и МНРП в эти годы; победе «линии Коминтерна» в отношении Монголии, повлекшей ликвидацию оппозиции в МНРП; утверждению сталинской внешнеполитической линии и политическим репрессиям.

Также в этих работах, на основании новых материалов, даны характеристики политическим деятелям той эпохи, оказавшим значительное влияние на формирование монгольско-советских отношений в первой половине XX в.¹⁹

Несомненный научный интерес представляют труды С.Г. Лузянина, Н.Л. Нежинского, где на обширном архивном материале освещаются такие непростые вопросы, как установление и развитие монгольско-советских связей, отношения между Коминтерном с монгольским и советским

---

¹⁸ Ватлин Ю.А. Коминтерн: первые 10 лет. - М., 1998; Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории монгольско-советских отношений. - Т.1. - М., 1992; Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития //VI Международный конгресс монголоведов. Т.1. - М., 1992.

¹⁹ Рошин С.К. Они возглавили революцию // Азия и Африка сегодня. 1995. - №9. - С.15-19; Надиров Ш.Г., Цеденбал, 1984 год. - М., 1995.

руководством, комплексу международных противоречий в рамках регионального четырехугольника - «МНР-СССР-Китай-Япония»²⁰.

Исторические исследования А.С. Железнякова послужили основанием для разрушения мифа о Монголии как о «советском сателлите», созданным в западной историографии периода «холодной войны». Автор, используя в своих исследованиях ранее неопубликованный архивный материал, доказывает тот факт, что внутри монгольско-советского союза существовали серьезные противоречия, и что монгольское руководство было способно вести самостоятельную политику в отношениях с советской стороной²¹.

Отличительной чертой современной российской историографии является ее многоплановость. Исследования монгольско-советских отношений ведутся и на региональном уровне. Так, многие историки из Бурятии и Тувы пытаются по-новому переосмыслить свое место и свою роль в общей истории народов, населяющих этот регион и часто имеющих общие родовые корни²².

Таким образом, состояние советской и современной отечественной историографии, свидетельствует об острейшей необходимости разработки проблемы места и роли Монголии в системе международных отношений в дальневосточном регионе в 1921-1946 гг., развития отношений Россия - Монголия в первой половине XX в.

Объектом данного исследования является история Монголии и СССР в 20-40-е гг. XX века.

Предметом выступает монгольско-советское сотрудничество в указанный период времени.

Цель исследования: изучить основные направления и динамику развития монгольско-советских отношений во второй половине 20-40-х гг.

---

²⁰ Нежинский Л.Н. Идея «мировой революции» и внешняя политика советского государства в 1917-1921 гг. // Советская внешняя политика 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. - М., 1992; Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - М., 2000.

²¹ Железняков А.С. Монголия и «русский коммунизм» // Научно-информационный бюллетень. Вып.8 (специальный). - М., 1996.

²² Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы - бурят-монголы? - Улан-Удэ, 2011.

В этой связи были сформулированы следующие **задачи исследования:**

- изучить развитие монгольско-советских отношений после монгольской революции 1921 г.;
- рассмотреть взаимоотношения между Монголией и Советским Союзом на фоне усиления японской агрессии во второй половине 20 - начале 30-х гг.;
- проанализировать содержание основных направлений сотрудничества МНР и СССР накануне и в годы Второй мировой войны.

Хронологически исследование охватывает 20-40-е гг. XX века, на которые приходится оформление системы двухстороннего сотрудничества и первый опыт реализации планов взаимодействия Монголии и Советского Союза.

Для ответа на поставленные вопросы был привлечен широкий круг опубликованных источников, которые составили **источниковую базу исследования**.

В данных исследованиях были отобраны и подвергнуты системному анализу следующие группы наиболее важных первоисточников:

Данные архивных источников не публиковавшиеся ранее из-за секретности фондов в советский период, и которые легли в основу публикаций ряда таких авторов как С.Г. Лузянина, О.А. Джагневой и др.²³

Существенным элементом дипломной работы явились опубликованные документы в советский период.

Здесь необходимо выделить следующие источники:

- Опубликованные источники. Это прежде всего, законодательные акты СССР и МНР, официальные статистические документы и материалы, тематические сборники²⁴. Среди официальных СССР отметим публикации партийных документов руководящих органов КПСС,

²³ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. / ОГНИ, 2003; Джагнева О.А. Развитие российско-монгольских отношений: Основные направления, проблемы и перспективы(1921-2005гг). Элиста, 2006.

²⁴ Образование и развитие СССР как союзного государства; Сборник законодательных и других нормативных актов - М., 1972; Конституция Монгольской Народной Республики - Улан-Батор, 1961.

Конституция МНР; немаловажное значение в обобщении материалов, относящихся к истории монгольско-советских отношений, имеют документальные публикации статистического характера²⁵.

- Тексты выступлений политических и общественных деятелей двух стран, в которых они касались вопросов монгольско-советских отношений²⁶.
- Периодическая печать, как источник по истории становления и развития советско-монгольских экономических отношений, при рассмотрении вопросов экономического сотрудничества Советского Союза и Монголии занимает важное место в исторических исследованиях, что существенно дополняет документы архивов и документальные публикации²⁷.
- В работе были использованы мемуары общественных и политических деятелей, имевших отношение к исследуемым процессам²⁸.

Мемуары А.Г. Зверева ценны для исследования тем, что будучи министром финансов СССР в 30-е гг., он обладал полной информацией о финансовой составляющей договоров между монгольской и советскими сторонами²⁹.

Второй мировой войне, в том числе сражениям на реке Халхин-Гол между советско-монгольской армией и японскими войсками в 1939 году, а также о союзнической помощи монгольского народа советскому во время

---

²⁵ Отчет Народного комиссариата по иностранным делам - М., 1923; Документы внешней политики СССР. - Т.1-4. - М., 1957; Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. Т.1. Москва - Улан-Батор, 1975; Советско-монгольские отношения 1921-1966. Сборник документов. - М., 1966.

²⁶ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Монголии. (Сборник документов). М., 1934; Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935-1941г.). Т.1 - М., 1988.

²⁷ Нанцев С.А. Монголия и японский империализм /С. Шойжелов // Новый Восток. - 1925. - №8; Гурьев Б. К. Политические отношения России и Монголии. Жизнь Бурятии. - № 5-6. - 1930; Коммунистический Интернационал, 1931., -№33-34; Шойжелов, С.А. Политика японского империализма в Монголии / С.Шойжелов // Большевик. - 1935. - №15. - С.20-25.

²⁸ Зверев А.Г. Записки министра. - М., 1973.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1990.; Плиев И.А. Дорогами войны, - М.: Книга, 1985.

²⁹ Зверев А.Г. Указ. соч.

Отечественной войны и разгрому Квантунской армии посвящены воспоминания маршала Г.К. Жукова и генерала И.А. Плиева³⁰.

Комплексное использование источников и литературы позволило осуществить данное исследование и решить поставленные задачи.

Научная новизна исследования связана с попыткой воссоздания объективной истории взаимоотношений Монголии с СССР без идеологических деформаций и «искажений» как в ту, так и в другую сторону. Также новизна работы обусловлена намерением дать комплексное освещение системы монгольско-российских связей, а так же проследить их внутреннюю взаимообусловленность и попыткой осветить динамику этих отношений между двумя странами на протяжении конца 20-х-середины 40-х гг. XX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Монгольско-советские отношения соответствовали интересам обеих стран
2. Идеологическая составляющая двустороннего сотрудничества была выражена весьма значительно, но она не являлась серьезным препятствием в развитии сотрудничества между двумя странами
3. Монгольско-советское сотрудничество 20-40-х гг. заложило основы для успешного преодоления отставания Монголии от СССР в различных областях: экономике, социальной и военно-технической и других сферах.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе как в ВУЗе, так и учителями средних школ при изучении проблем новейшей истории СССР и Монголии.

Апробация результатов исследования была осуществлена на заседаниях проблемной группы «Традиционные культуры народов мира» (2013, 2014 гг.) и на Международных научно-практических конференциях «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (2015, 2016 гг.)

По теме исследования имеются публикации:

---

³⁰ Жуков Г.К. Указ. соч., 1990; Плиев И.А. Указ. соч.

1. Демченко Я.В. Включение Тувы в состав Советского Союза на правах областной автономии // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. – Белгород: Политерра, 2015. – С.126-129.

Структура дипломной работы представлена введением, тремя главами, заключением, библиографическим списком, приложениями.

ГЛАВА 1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И МОНГОЛИИ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 Г.

1.1.Формирование основ монгольско-советского сотрудничества в начале 20-х гг.

События Монгольской революции 1921 г. были проявлением части общего большого процесса социального «слома» бывших «зон» российского влияния на огромной территории бывшей Российской империи, включая сопредельные для России земли Дальнего Востока. Все эти территории в той или иной степени были вовлечены в общероссийские процессы советизации, гражданской войны и т.д. На них произошло разрушение старых и создание новых политических структур.

В ряде западных публикаций прочно утвердился тезис о том, что монгольская революционная партия изначально подчинялась Коминтерну и Советской России. По мнению западных авторов такое положение вещей полностью снимало вопрос о самостоятельности монгольской позиции по вопросам внешней политики и другим проблемам³¹. Вместе с тем, несмотря на существовавшую зависимость в международной политике от Советского Союза, монгольское революционное руководство имело свой собственный подход к внешнеполитическим проблемам, который в тех или иных обстоятельствах мог значительно отличаться от позиции Коминтерна или теократической монгольской элиты.

1-3 марта 1921 г. в Кяхте состоялся учредительный съезд МНП под председательством Д. Бодо. 13 марта Временным Народным правительством под руководством Д. Сухэ-Батора, Д. Бодо, Х. Чойбалсана были приняты

---

³¹Rupen R. How Mongolia is Really Ruled. P.S.H.Tang. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. Durham, 1959. - P.16-17.

первые официальные документы Монголии - «Обращение народного правительства к монгольскому народу», «Обращение к правительству РСФСР», и др.³² Советское руководство активно содействовало в создании таких монгольских государственно-политических институтов как: МНРП, временное правительство, монгольская армия и пр.³³

В начальный период монгольско-советских отношений советское правительство оказывало жесткое давление на монголов, что частично диктовалось сложной обстановкой в самой Монголии.

Оценку событий, которые легли в формирование монгольско-советских отношений, дал один из «инженеров» революции в МНР Б.З. Шумяцкий. В письме Г. Чичерину от 12 августа 1921 г. он писал: «Мы создали в лице монгольских масс определенных друзей, связавших судьбу своего национального объединения и отчасти даже существования с Советской Россией. Мы создали для себя... союзника, который прикрывает самые уязвимые места нашей тысячекилометровой границы. Мы получаем уже возможность начать мирно-хозяйственные отношения с Монголией»³⁴.

Монгольская революция 1921 г. совместила два противоречивых момента: 1) стремление монголов к суверенитету на основе идей панмонголизма. Данная концепция базировалась на давнишнем желании монгол обрести свою независимость от Китая; 2) внешнее влияние Советской России и Коминтерна, которые видели возможность вести в Монголии желаемую революционную политику, а также выгодную стратегическую «буферную зону» на пограничных территориях на Дальнем Востоке.

5 ноября 1921 г. было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и Народным Правительством Монголии»³⁵. Текст итогового соглашения, состоявший из вводной части и 13 статей, по своему характеру получился компромиссным. По взаимной договоренности в него не вошли

³² История Монгольской Народной Республики. - М., 1954. - С.49.

³³ Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости. - М., 1979.-С.75.

³⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911 - 1946 гг. / ОГНИ.,2003.-С.29.

³⁵ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т.1-П. - М., 1975-1979. - Т.1.-С.34.

статьи по таким спорным вопросам как признание международно-правового статуса Внешней Монголии, взаимоотношения МНР с Китаем, а также ряд вопросов, связанных с межнациональным определением Урянхайского и Бурятского краев.

Советская Россия получила также требуемое право «третьей стороны» при передаче российских концессий новым акционерам. Были подписаны секретные соглашения об изготовлении для Монголии бумажных денежных знаков и миллионной ссуде банковским серебром Монгольскому Народному правительству для обеспечения денежной эмиссии и на другие нужды³⁶.

Соглашение 5 ноября 1921 г. между Монголией и Советской Россией было первым международным актом в формировании монгольско-советского политического союза. Это соглашение объективно возрождало традиционные монгольско-российские связи, прерванные «революционными временами» 1917-1920-х гг. Для Монголии признание на официальном уровне со стороны Советской России давало определенные политические, экономические и военные гарантии сохранения государственности. Также давало надежду в будущем на свое полное достижение независимости от Китая. Для советской стороны, Монголия представляла собой выгодный объект для поддержки национально-революционных движений на Востоке, а также создание на своей границе союзнического государства.

Соглашение 1921г. не смогло разрешить главный вопрос окончательного оформления международно-правового статуса Внешней Монголии, отложив его решение на будущие времена. Его окончательное оформление было поставлено в зависимость от хода межгосударственных и революционно-идеологических отношений с Китаем. Одновременно наблюдались и некие исторические параллели - соглашение 1921 г., как и договоры Монголии с Царской Россией в 1911-1912гг. не смогло разрешить проблемы независимости Монголии.

---

³⁶ Джагнева О.А. Развитие российско-монгольских отношений: Основные направления, проблемы и перспективы(1921-2005гг) / Элиста, 2006. - С. 31-32.

Дипломатическое сближение Советской России и Монголии дополнялось активным военно-политическим сотрудничеством. 3 августа 1921 г., комиссия, состоящая из военных специалистов Красной Армии, закончила работу над проектом организации военной системы в Монголии. В его основу было положено наличие постоянной кадровой армии, руководство которой осуществлялось совместно монгольскими и советскими военными. Данный договор по совету Б. Шумяцкого был оформлен в виде «внутреннего» постановления Народного правительства. 5 августа 1921 г. «Положение об организации Народной Революционной армии Монголии» было принято за подписью Ц. Бодо, Сухэ-Батора и др. членов монгольского правительства³⁷.

Последовательно и довольно динамично развивалось китайское направление монгольской политики.

Осенью 1923 г. монгольский премьер-министр Б. Церендорж в интервью западным корреспондентам изложил официальную позицию монгольского правительства по вопросу взаимоотношений с Китаем. Премьер, в частности, сказал: «Сейчас не может быть и речи о возврате Монголии к системе Автономии в составе Китая. Единственный выход - это признание МНР независимым и суверенным государством»³⁸.

Однако в планы правительства Советского Союза в то время не входило резкое обострение отношений между СССР и Китаем, которое надеялось на активизацию китайских революционных сил.

Именно поэтому главным препятствием в советско-китайских переговорах того времени вновь стала проблема признания международного статуса Монголии. Эти переговоры заходили в тупик из-за нежелания китайской стороной признавать МНР как равноправного участника международных отношений и полного игнорирования монгольских национальных интересов.

---

³⁷ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т. I-П. - М., 1975-1979. - Т. I. - С. 57.

³⁸ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - С. 12.

Поэтому в МНР в нач. 1924 г. был послан специально уполномоченный Коминтерна Т. Рыскулов с целью более досконального изучения монгольско-советских отношений и их значения на всю политику советского руководства на дальнем Востоке. В сообщениях того времени Т. Рыскулов писал о необходимости особого пристального внимания к действиям монгольского руководства, которое необходимо осуществлять только под непосредственным управлением Коминтерна³⁹.

Таким образом, результатом активной монгольской политики 1921-1924 гг. было подписание советско-монгольского соглашения (1921). Данное соглашение фактически признавало монгольский суверенитет, а также усиление политического влияния МНР в сопредельных регионах Тувы, Бурятии и Внутренней Монголии.

1.2. Укрепление военно-политического сотрудничества МНР и СССР на фоне их взаимоотношений с Китаем и империалистической Японией в начале 20-х гг.

Без анализа советско-китайских отношений по монгольскому вопросу внешнеполитическая история Монголии в 20-е гг. была бы неполной. Данные отношения во многом определяли специфику международной политики Советского Союза в дальневосточном регионе.

Первый этап дипломатической завязки советско-китайских отношений относится к периоду пребывания в Пекине первого полномочного представителя СССР А.К. Пайкеса, который прибыл туда 12 декабря 1921 г. При непосредственном участии Г.В. Чичерина, Б.З. Шумяцкого и самого А.К. Пайкеса была составлена программа переговоров по монгольскому вопросу. В ее основе предполагалось проведение таких вещей как участие в

---

³⁹ Рощин С.К. Турар Рыскулов в Монголии // Владимирцовские чтения. Всероссийская конференция монголоведов. - М., 1995. - С.101.

переговорах монгольских представителей, российские посреднические услуги и автономия МНР в составе Китая. Советское руководство надеялось найти с Китаем приемлемую формулу существования МНР в виде автономии, но при этом оно рассчитывало отстоять свое право на политико-идеологическое влияние на Внешнюю Монголию. Также руководство СССР надеялось сохранить советско-монгольское соглашение от 5 ноября 1921 г. в неизменном виде. Однако, надеждам на то, что Китай, испытывая внутренние распри, не сможет выработать единую стратегию по монгольскому вопросу и примет советский подход к нему, было не суждено осуществиться. А установка советского руководства, данная А.К. Пайкесу, на то чтобы обходить молчанием монгольско-советское соглашение 1921 г. была обречена на неудачу и тактически ошибочна⁴⁰.

Донесения из Пекина подтвердили общие опасения. Так, в телеграмме Г.В. Чичерину от 27 декабря 1921 г. Пайкес сообщает, что сделал заявление представителю Китая о том, что «войска Красной Армии из Монголии не будут выведены до урегулирования взаимоотношений с нею Китайского правительства». В январе 1922 г. он сообщил, что на него обрушилась волна критики с китайской стороны, связанной с просочившейся информацией о монгольско-советском соглашении. Обвинения в «двойной игре» были выдвинуты официально китайским правительством. МИД Китая сделало специальное заявление по Монголии, в котором, в частности, говорилось: «Вы (А.К. Пайкес), по своему приезду в Китай заявили, что такового (монгольско-советского соглашения) нет. Однако, когда, на днях, был представлен текст договора, Вы признали его существование... наше правительство обращается к Вам с энергичным протестом и заявляет, что все договоры Рабоче-Крестьянского правительства, заключенные с Монголией, китайское правительство не признает»⁴¹.

⁴⁰ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т. I-IV. - М., 1975-1979. - Т. I. - С. 69.

⁴¹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996., - С. 112

Дальнейшие попытки советских дипломатов обойти монгольский вопрос и обсудить с китайским правительством ряд других важных вопросов, таких как китайские долги царской России и проблему КВЖД, не привели к какому-либо результату. Отказ Пекина обсуждать другие темы привела к краху первой советской дипломатической миссии в Китай.

С учетом данных реалий руководство РСФСР решило применить принципиально новый подход к Китаю. В Пекин был послан новый дипломатический представитель от советской стороны А.А. Иоффе, который должен был представить совершенно иной взгляд на монгольский вопрос⁴². «Монголия, - пишет А.А. Иоффе в письме своему руководству в Москву, - самое уязвимое место нашей китайской политики. Это единственная козырная карта в руках империалистов против нас»⁴³.

Согласно своему видению на монгольский вопрос, А.А. Иоффе постарался убедить Москву в том, что надо отказаться от идеи тройственных переговоров: СССР-Монголия-Китай. При этом основной акцент советско-китайских переговоров, по мнению нового дипломатического представителя должен был быть построен на отказе от автономии Внешней Монголии и передача ее суверенитет Китаю⁴⁴.

Советское руководство остановилось на следующей тактике ведения переговоров: а) ограничиться в советско-китайском соглашении только одной статьей о суверенных правах Китая на Монголию; б) предложить Пекину «не рассматривать официально» монгольско-советское соглашение 5 ноября 1921 г.; в) объявить о возможности СССР вывести войска из МНР, согласовав сроки вывода и после подписания советско-китайского договора⁴⁵.

Нужно отметить, что позиция А. Иоффе по монгольской проблеме начинала постепенно завоевывать позицию среди руководства СССР. При

⁴² Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая. - М.: НИКАН, 1934. - С.95.

⁴³ Лузянин С.Г. Указ. соч. - С.114-115.

⁴⁴ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т.1-П. - М., 1975-1979. - Т.1.-С.54.

⁴⁵ Советско-монгольские отношения. Т.1. - С.57.

этом советское руководство продолжало искать другие каналы влияния, чтобы отстоять монгольскую автономию. Так, осенью 1923 г. в ходе визита делегации Чан Кайши в Москву, Л.Д. Троцкий и Г.В. Чичерин, предложили тому вновь рассмотреть вопрос о предоставлении МНР права на самоопределение. Однако данное предложение о монгольской автономии лишь вызвало серьезное недовольство китайского генерала⁴⁶.

5 сентября 1923 г. в Китае произошла новая рокировка руководства дипломатической службы СССР. На смену А. Иоффе прибыл заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан.

После его официальных заявлений, подтверждающих согласие советского руководства идти на компромисс с китайским правительством, монгольский вопрос отошел на второй план, и правительство СССР получило возможность обсуждения других важных для него вопросов - выплаты царских долгов, проблемы КВЖД и др.

Так, в одном из официальных заявлений Л.М. Карахана в феврале 1924 г. представителями китайского правительства в Пекине было заявлено, что «вопрос о Монголии является вопросом пустяжным. Мы считаем, что Монголия входит в состав Китая. Суверенитет Китайской республики в Монголии не подвергается вашему сомнению»⁴⁷.

Такие изменения в вопросах монгольской проблеме были сразу отмечены как западными, так и японскими средствами массовой информации. Вот только один комментарий, который дала газета японского посольства в Пекине «Норе Чайна Стандарт». «В первый раз, - писала газета, - большевистский представитель признает, что Монголия есть часть Китая. Теперь монголы приносятся в жертву их освободителями, потому что на карту поставлены большие интересы»⁴⁸.

⁴⁶ Григорьев А.М. К оценке поездки делегации Гоминдана в Москву в 1923 г. //Китайская традиционная культура. - Ч. II. - М., 1994. -С. 47-48.

⁴⁷Агалаков В.Т. Победа Советов Восточной Сибири и Монголия (1919-1927 гг.) // Дорогой Дружбы. - Иркутск, 2001. - С. 31.

⁴⁸ История Монгольской Народной Республики. - М.,1998. - С.73.

Поменялась и тактика советских дипломатов ведения переговоров с китайской стороной. Так, они должны были теперь проводить политику по искоренению антикитайских настроений в монгольском руководстве. Так, инструкция от 3 января 1924 г., Г.В. Чичерина гласила: «о необходимости подвести монголов к постепенному осознанию автономии МНР в составе Китайской республики на долгий период времени»⁴⁹.

В связи с этой новой доктриной, советский посол в МНР А.Н. Васильев на банкете 9 января 1924 г., устроенном монгольским правительством в честь его прибытия, заявил: «Трудовые массы Китая, столь радушно встретившие товарища Карахана, стоят за дружбу с Россией, поэтому говорить о настроениях Китая в таких выражениях, которые здесь прозвучали, неосторожно. Нельзя так легко и беспричинно бряцать оружием»⁵⁰. Этот упрек, относился не только персонально к военному министру Монголии Х. Максарджабу, который произнес накануне антикитайскую речь, но касался общего курса монгольского руководства. В феврале 1924 г. в интервью газете «Ургинские новости» посол сказал, что «настоящая обстановка не позволяет говорить о суверенитете Монголии. Пока что приходится говорить об автономии Вашего государства»⁵¹.

Новая позиция советского руководства не могла не вызвать раздражение среди политических лидеров Монголии, так как они полностью противоречили предыдущей политики отстаивания монгольской независимости от Китая.

Однако, именно изменения в тактике ведения дипломатических переговоров в вопросе Внешней Монголии, позволила советскому руководству добиться прорыва советско-китайских отношениях и 31 мая 1924 г. в Пекине подписать следующие документы:

1. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой;

---

⁴⁹ Там же. - С.76.

⁵⁰ Лузянин С.Г. Указ. соч. - С.114

⁵¹ Там же. - С.115.

2. Декларации, уточняющие отдельные положения соглашения;
3. Ноты об установлении дипломатических отношений;
4. Соглашение о временном управлении КВЖД.

Статья 52 «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов...» определяла МНР, как «неотъемлемую часть Китайской Республики» и Советский Союз обязался уважать там китайский суверенитет. Одновременно, Л.М. Карахан официально заявил о том, что СССР готов вывести войска Красной Армии из МНР. Как только будут согласованы сроки такого вывода⁵².

Известия о подписании данного советско-китайского договора вызвали критику со стороны председателя ЦК МНП С. Данзана, министра иностранных дел А. Амора и др. членов монгольского правительства. Они однозначно трактовали «Пекинские соглашения», как проявление «двуличности» Москвы, предательством со стороны СССР. Что такой договор служит началом уничтожения монгольской независимости. Большинство членов руководства МНР предложили не признавать эти документы и защищать монгольскую государственность военным путем.

Однако со временем, в оценке соглашений между Москвой и Пекином возобладала компромиссная позиция премьер-министра МНР Б. Церендоржа. В ней, указывалась относительность и временный характер определения статуса Внешней Монголии. Признавая угрозу монгольского суверенитету, после подписания документов в Пекине, он отмечал невозможность вооруженного сопротивления Китаю без поддержки Советской России⁵³. Таким образом, данная прагматичная точка зрения Б. Церендоржа легла в основу официальной оценки монгольским правительством данных событий. Такая позиция монгольского руководства помогла сохранить своего единственного союзника - Советский Союз и при этом не потерять «лицо»

⁵² Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. - М., 1958. - С. 83.

⁵³ Сорокинов И.А. На заре советско-монгольской дружбы // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. - Улан-Удэ, 1965. - С.117.

(МНР никогда официально не признавала действие советско-китайских соглашений от 31 мая 1924 г.).

Вскоре от правительства СССР пришли заявления о продолжении полной поддержки монгольского народа в борьбе за независимость. Так в телеграмме от 2 июня 1924 г. наркома Г.В. Чичерина на имя монгольских руководителей говорилось о том, что СССР никогда не предавал интересы Монголии. Что Москва не бросает монголов на произвол судьбы и не оставляет их в борьбе «один на один с Китаем» и что советские войска не уходят из Внешней Монголии, а всего лишь сменяют статус и «перейдут на службу к монгольскому правительству в качестве военных специалистов»⁵⁴.

Таким образом, решением проблемы своего суверенитета для Монголии, в тех исторических рамках лежало в юридическом непризнании советско-китайских соглашений и в продолжение укрепления союза с Советским Союзом, который являлся единственным гарантом независимости страны, пусть и в урезанной форме.

В период подготовки 1 Великого Хурулдана (8-28 ноября 1924 г.), принявшего конституцию и провозгласившего Внешнюю Монголию республикой (4 мая 1924 г. умер Богдо-гэгэн), острота «китайского вопроса» была сведена советскими дипломатами до минимума.

В итоговой резолюции Хурулдана было сохранено ряд значительных положений, которые отразили национальное приоритет во внешнеполитической линии монгольского руководства. В ней, в частности, было записано: «...Стремиться к установлению дружественных связей с трудящимися Китая, проводить великое дело предоставления свободы монгольским племенам...»⁵⁵.

В конституции (ст.1) была провозглашена независимость МНР и аннулированы все дореволюционные договоры и соглашения Монголии (ст.3). В ней также декларировалось, что главной из внешнеполитических

⁵⁴ Коннор Т.О.Чичерин и советская внешняя политика 1918-1930 гг. - М.,1992.-С80.

⁵⁵ История советско-монгольских отношений. - М., 1989.-С.43.

задач МНР является «объединение монгольских племен в единое свободное государство, способное защитить религию и интересы народа»⁵⁶.

Республиканская конституция МНР сближала политические и идеологические интересы Монголии и СССР. Она была составлена по советскому образцу и под непосредственным влиянием коминтерновских представителей в Монголии. И как отмечал один из ее создателей, Т.Рыскулов, она - «определяет социально-политическую организацию Республики и приближает ее по своей структуре к советскому типу государства»⁵⁷.

Таким образом, советское руководство прошло в 1920-1924 гг. сложный эволюционный путь в вопросах о статусе Внешней Монголии, и ее роли в советско-китайских отношениях. Советское правительство было вынуждено признать суверенитет Китая над Внешней Монголией (1924) и тем самым решать свои стратегические задачи в Китае, связанные с подготовкой китайской революции 1925-1928 гг.

Что касается МНР, то она, не признавая юридического действие советско-китайского договора 1924 г., вынуждена была сохранять стратегический курс на политическое и идеологическое сближение с СССР, который являлся единственными гарантами сохранения ее государственности на фоне взаимоотношений с Китаем и империалистической Японией в начале 20-х гг.

---

⁵⁶ Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. - М., 1952. - С.12.

⁵⁷ Роцин С.К. Турар Рыскулов в Монголии // Владимирские чтения. - М., 1995. - С.102.

ГЛАВА 2. МОНГОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УСИЛЕНИЯ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-НАЧАЛЕ 30-Х ГГ.

2.1. Взаимодействие Монголии и СССР в 1925-1928 гг.

Революция в Китае 1925-1927 гг. перевернула политическую обстановку не только в самой стране, но и затронула различные некитайские народности на национальных окраинах Китая. Революция оказала несомненное влияние на судьбу монгольского народа, разделенного волей судеб на части и на идею панмоголизма, дав ей толчок на новое развитие.

Заключенный 31 мая 1924 г. советско-китайский договор должен был послужить началом выработки решений по выводу Красной Армии с территории Монголии. Однако, из-за осложнившейся международной обстановки в дальневосточном регионе, проблема вывода войск так и не была осуществлена, а конференция которая должна была разрешить этот вопрос так и не была созвана.

Монгольскому правительству пришлось согласиться с соображениями, изложенными советской стороной по данному вопросу. Оно выразило готовность своего согласия на вывод советских воинских частей из МНР, о чем не раз заявлял премьер-министр Б. Церендорчжи⁵⁸.

Но осенью 1924 г. обстановка на монгольско-китайской границе заметно обостряется. В течение нескольких месяцев происходят вооруженные стычки между монгольскими и китайскими пограничными корпусами. Также Монголией были предъявлены претензии Китаю на часть территорий Алтайского округа⁵⁹.

---

⁵⁸ Советско-монгольские отношения. 1921-1974. - Т.1. С.104.

⁵⁹ Дылыков С.Л. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории. - М.,1953. – С.32.

Тактика же Коминтерна в первоначальный период Китайской революции была очень осторожна. Она заключалась в запрете вмешиваться монголам в китайские дела.

Однако по мере усиления революционного движения в Китае менялась и позиция монгольских революционеров. Так, уже на IV съезде МНРП в сентябре 1925 г. во временной программе партии было записано: «Трудящиеся Монголии окажут горячую поддержку освободительной борьбе китайского народа против мирового империализма и продавшей ему китайской буржуазии»⁶⁰.

В июне 1925 г. советским руководством осуществлялась вооруженная помощь народной армии Фэн Юйсяна. Для регулярных поставок оружия из Советского Союза территория Монголии, после согласования с руководством МНРП, была превращена в главную транзитную базу. Только для налаживания транспортной базы на территории МНР по осуществлению доставки военной помощи китайским советской стороной было выделено 20 тыс. американских долларов⁶¹.

4 августа 1926 г. в Москве состоялось совместное совещание по китайским делам представителей НКВД, Реввоенсовета, ИККИ, ОГПУ, на котором был рассмотрен вопрос «О связи Народной Армии Фэн Юйсяна с Внешней Монголией и организации Северо-Западного бюро Революционного комитета Гоминдана». Была утверждена смета расходов на армию Фэна, составившая за 1925 г. около 1 млн. долларов⁶².

Самостоятельные же действия монгольского руководства в отношении Китая в то время вызывали сильную негативную реакцию Москвы и старались пресекаться как можно более жестко. Так, на попытку ЦК МНРП, организовать революционную работу в национальных окраинах Внутренней Монголии, чтобы создать возможность в дальнейшем отделения их от

⁶⁰ Каллиников А.Н. Национально-революционное движение в Монголии. - М.-Л., 1926. – С.76.

⁶¹ Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. - М., 1978. –С.35.

⁶² Линецкий Л.М. Помощь ВКП(б) и Коминтерна в образовании Монгольской Народной партии. - Харьков, 1981. - С.40.

Китайской Республики, Г.Чичерин «устроил монгольскому послу в СССР А.Данзану сцену с выражением негодования». Он, заявил, что Монгольскому руководству никак нельзя смешивать два понятия: революционную работу и политическую дипломатию». «Если Коминтерн, - заявил Г.Чичерин, - работает среди ирландцев с лозунгом независимости Ирландии, это не значит, что мы можем обратиться к английскому правительству с требованием независимости Ирландии. Мы находимся в таком же положении по отношению к Китайской Республике в вопросе о монгольских областях»⁶³.

Несмотря на такую осторожную позицию Москвы по отношению монгольско-китайского вопроса, к лету 1925 г. в монгольском руководстве не было единой точки зрения. Под руководством Э.Д. Ринчинно часть членов правительства МНР выступила за активизацию процессов объединения монгольских племен и на более самостоятельные действия во Внутренней Монголии.

Наметились два подхода в политике Советского Союза в Монголии. Первый подход данной проблеме выражала позиция Т. Рыскулова, которую поддерживала та часть Коминтерна, которая желала более жесткого контроля над всеми политическими структурами Монголии. Однако такое жесткое и механическое вмешательство в деятельность МНРП вызывало естественный рост недовольства руководства МНР, а также провоцировало всплеск антисоветских и антикоминтерновских настроений⁶⁴.

Политические идеи Э. Ринчино, которые легли в основание второго подхода советского руководства были более противоречивы. Э. Ринчино пытался объединить интересы панмонголистического движения с интересами Коминтерна. Так, 23 октября 1924 г., находясь в Верхнеудинске, он писал: «Монголия неизбежно должна будет пойти по пути советизации и войдет в

⁶³ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. - М., 1996. - С.-127.

⁶⁴ Роцин С.К.. Турар Рыскулов в Монголии // Владимирцовские чтения. - М., 1995. -С.103.

недалеком будущем в СССР в качестве нового члена Союза. Она неизбежно должна будет повторить то, что проделали Азербайджан, Бухара»⁶⁵.

Однако, уже в декабре 1925 г. в своей работе «Монголия, СССР и Китай», созданной под впечатлением бурно развивавшихся революционных китайских событий, он меняет свою точку зрения и вынашивает планы создания «федеративной Республики народов Китая». В этом конспекте монгольский народ мог бы существовать под верховенством китайских властей. При этом Гоминьдан должен был бы гарантировать конституционно суверенные права национальных меньшинств и отказаться от централизма управления всех органов власти⁶⁶.

В противовес Рыскулову, Э. Ринчино всегда считал, что «нельзя считать монголов детьми и полностью подменять их на ключевых постах специалистами из СССР... влияние Коминтерна должны проводить сами монголы»⁶⁷.

Для разрешения конфликта советское правительство пошло путем компромисса, отозвав из МНР и Э. Ринчино и Т. Рыскулова. Тем самым советское руководство учло пожелания многих членов МНРП по смягчению позиций со стороны уполномоченных Коминтерна. Также по этой причине был отозван полпред Васильев, который всячески поддерживал сторону Э.Ринчино и не мог уже быть беспристрастным участником конфликта.

Идея панмоголизма вновь была поднята особенно остро в начале 1926 г. Связано это было с временными успехами Фэн Юйсяна. Гоминьдановский генерал, умело пользуясь мечтами многих членов монгольского правительства об объединении страны, обещал поддержать в случае своей победы политику создания суверенной и единой Монголии. В ответ на это он надеялся на военную помощь МНР.

В марте 1927 г. Фэн Юйсян обсудил с представителями ЦК МНРП план формирования монгольской кавалерии под видом «монгольской

⁶⁵ Там же. - Турар Рыскулов в Монголии // Владимирские чтения. - М., 1995.-С.103

⁶⁶ Там же. - С. 106-107.

⁶⁷ Там же. - С.112-113.

национальной милиции» для наведения порядка во Внутренней Монголии, в количестве трех полков по 5000 всадников каждый⁶⁸.

Советское руководство не могло не заметить «вольности» монголов. Новые представители советской дипломатии - полпред Ф.М. Никифоров и уполномоченный Коминтерна И.А. Амагаев, потребовали незамедлительно прекратить проявления любых форм панмонголизма. Так, Ф.М. Никифоров в беседе с премьер-министром МНР Б. Церендоржем заявил: «Положение Внешней Монголии не настолько крепко, чтобы она могла считать себя обеспеченной от будущих политических изменений. Ведь не исключена победа реакционных сил в Китае. Тогда, естественно, что Китай... наложит свою руку на Внешнюю Монголию... а СССР оставаясь, единственным союзником МНР далеко не склонен заниматься попустительством панмонголистских тенденций монгольского руководства»⁶⁹.

Однако проблема «двух» Монголий попадала под самое пристальное внимание советского руководства, и обсуждалось на самом высоком уровне. Так в советском правительстве, при обсуждении дальнейших перспектив монголо-китайских отношений рассматривались два возможных варианта объединения МНР и Внутренней Монголии: 1) колонизация Внешней Монголии Китаем через Внутреннюю Монголию и 2) экономическое сближение «обеих» Монголий. Оба эти варианта советское руководство считало политически выгодными для СССР, но только если будет возможность полностью контролировать данные процессы и пресекать идеи панмонголизма руководством МНРП.

В октябре 1925 г. была образована Лига рабочих, крестьян и солдат Внутренней Монголии, созданная китайскими коммунистами и состоявшая главным образом из китайцев. Также состоялся Учредительный съезд Народной Революционной Партии Внутренней Монголии. В декларации НРП ВМ в частности, говорилось: «Нашей целью является образование

⁶⁸ Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946. Документы и материалы: в 2 ч. М., 2008. - Ч. 1. - С.210.

⁶⁹ Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-1927 гг. // Восток. – 1996. - С.65-66.

свободной Китайской Федеративной Республики. Именно для достижения данной цели мы начинаем подготовку народной революции во внутренней Монголии»⁷⁰. НРП ВМ. С момента своего образования материально обеспечивалась Фэн Юйсяном, который рассчитывал с ее помощью мобилизовать аратов и монгольских князей Внутренней Монголии на свою сторону.

Попытки Коминтерна при помощи больших денежных средств «отделить» самых влиятельных князей Внутренней Монголии от влияния Фэн Юйсяна привела к расколу внутри НРП ВМ⁷¹.

В начале 1927 г. руководством Коминтерна на заседании ИККИ было принято следующее важное постановление: «Подтвердить, что национально-революционное движение Внутренней Монголии - часть общекитайского национально-освободительного движения, руководимого Гоминьданом и КПК»⁷².

Проблема Внешней и Внутренней Монголий снова была поднята при обсуждении политики революционного Китая на заседании ИККИ 1 марта 1927 г.

Этот вопрос неожиданно воспроизвел Н.И. Бухарин, который в противовес единой на тот момент линии Коминтерна о невозможности панмонголистической идеи объединения монголов, предложил рассмотреть перспективы воссоединения МНР и Внутренней Монголии с Танну-Тувой. Н.И. Бухарин в частности сказал: «Есть еще один вопрос - это вопрос объединения обеих монгольских областей и Танну-Тувы с однородным населением... мы не должны быть против объединения этих 3-х частей, которые этнографически составляют одно целое. Мы должны установить

---

⁷⁰ Там же. - С. 68.

⁷¹ Гарушянц Ю. Рецензии. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920-1927. - М., 1994., - С. 144

⁷² Коминтерн и национально-революционное движение. Документы. 1920-1927. - М., 1994. - С. 535.

перспективы для объединения этих 3-х частей, но в революционной форме»⁷³.

Однако на единую позицию Коминтерна по вопросу «двух» Монголий и идей панмонголизма высказывания Н.Бухарина не смогли никак повлиять. Идея о «объединении монголов под знаменем революции» не нашла достаточной поддержки среди ИККИ. Курс на борьбу против панмонголизма и сохранения Внутренней и Внешней Монголии остался неизменным.

Также продолжались «разъяснительные» беседы членов Коминтерна с монгольскими представителями МНРП по поводу опасности сближения монгольских революционеров и делегатов Фэн Юсяна»⁷⁴.

Итогом таких обсуждений можно считать доклад министра внутренних дел Ц. Дамбадоржа в ЦК МНРП, в котором в частности говорилось: «Опасность захватнических планов буржуазно-помещичьей реакции Китая усилилась с переходом на сторону Фана группы Бай Юнти во Внутренней Монголии. Этот переход Бай Юнти трудящимися массами Внешней Монголии должен рассматриваться, как прямая измена делу национального освобождения и демократической революции. Торжество Фэна во Внутренней Монголии, облегченное этой черной изменой, является реальной угрозой самому существованию независимой Монгольской республики»⁷⁵.

После опубликования этого доклада 8 июля 1928 г. представитель Фэн Юйсяна в МНР Чен Цзычень был вынужден покинуть Внешнюю Монголию. Их отъезд произошел по настоянию Ц. Дамбадоржа, вернувшемуся к этому времени из Москвы. Одновременно членам МНРП были представлены чрезвычайно подробные инструкции по вопросам организации революционных сил во Внутренней Монголии.

В инструкции были включены такие вопросы как: 1) организация революционной массовой работы среди простого аратского населения; 2)

⁷³ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания, конгрессы Коминтерна и пленумы ИККИ. 1919-1932. -М., 1933. – С.368.

⁷⁴ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. - Т.1-2. - М., 1992.-С.250.

⁷⁵ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996., - С.114

создание местных самоуправлений из мелких князей; 3) реорганизация «отрядов местной самообороны»; 4) Созыв народного Хурала Внутренней Монголии и ограничение власти крупных князей »и т.д.⁷⁶

В августе 1928 г. произошло восстание против аратов и мелких монгольских князей против китайцев на севере Внутренней Монголии (в Барге). Возглавили восстание, несмотря на категорический протест большинства членов Коминтерна, некоторые члены МНРП, такие как Мерсээ, Фу Минтая и др. Их инициатива была охарактеризована итоговым решением ЦК МНРП как опрометчивая и ошибочная. Также было обозначено, что деятельность предводителей восстания не имеет никакого отношения к политике Коминтерна во Внутренней Монголии.

Несмотря на столь отрицательное отношение МНРП и Коминтерна к событиям в Барге, уже ничто не могло повлиять на ход восстания. Из 6 округов Барги были изгнаны все представители китайской администрации и подняты красные знамена. Отрицательная позиция МНРП и Коминтерна не могла уже повлиять на ход начавшегося в первых числах августа восстания в Барге.

Не получив поддержки от Коминтерна и МНР к концу августа повстанцы понесли большие потери. Большая часть была уничтожена, часть взята в плен. Последние очаги сопротивления были ликвидированы 12 сентября 1928 г. Лишь небольшой части революционеров удалось прорваться с боями во Внешнюю Монголию⁷⁷.

В период Баргинского восстания правительство МНР и МНРП продолжали официально заявлять о своей непричастности к событиям на севере Внутренней Монголии. А в советской прессе появились заметки под названием «Баргинская провокация», в которых говорилось о якобы подготовленном японцами и белогвардейцами восстании в Барге⁷⁸.

⁷⁶ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» истории советско-китайских отношений. - Т.1-2. - М., 1992. - С.261-262.

⁷⁷ Белов Е.А. Баргинский вопрос по материалам русских архивов (1911-1930гг.) // Восток. – 1993. - № 1. - С. 174-175.

⁷⁸ Там же. - С.182.

В результате восстания в Барге вновь на повестке дня перед Коминтерном встала проблема Внутренней Монголии. Так, 28 ноября 1928 г. была выработана новая программа по деятельности ИККИ в Монголии. В ней содержались следующие пункты:

«1) о необходимости уделять больше внимания на активизацию деятельности японцев во Внутренней Монголии; 2) об сохранении партии НРП ВМ как самостоятельного органа; 3) о продолжении согласованной работы с КПК; 4) об усилении связей МНРП с КПК; 5) о сохранении тесных отношений партии с МНРП, и т.д.»⁷⁹.

Другое, не менее важное следствие провала восстания в Барге, было обострение монголо-китайских отношений на северо-восточной границе МНР. Несмотря на заявления правительства МНР о непричастности руководства Монголии к деятельности баргинских революционеров, из Китая поступили новые обвинения против Внешней Монголии в желании «начать военные действия» в Маньчжурии⁸⁰.

Таким образом, смена «курса» в китайской революции и раскол НРП ВМ определили не только географическую, но и более прочную идеологическую «границу» между Внутренней и Внешней Монголией на длительный период.

Поражение Коминтерна и его союзников в китайской революции 1925-1928 гг. способствовало новому формированию политического курса в союзе МНР и СССР, в котором Монголия стала играть роль защитного буфера в приближающемся конфликте с империалистической Японией, которая в дальнейшем показала себя противником более опасным, чем нестабильные китайские режимы.

Чтобы эффективно противостоять внешнеполитическим угрозам в середине 20-х гг. внутри самой МНР произошли кардинальные политические изменения, итогом которых явилось смена политической элиты страны и

---

⁷⁹ Там же. - С.184.

⁸⁰ Там же. - С.185.

приход к власти нового молодого монгольского руководства, направленного на более тесное политическое, идеологическое, военное и экономическое сотрудничество с СССР.

К 1926 г. в руководстве МНР определился так называемый «правый уклон»⁸¹. В его основе лежала стратегия национальных демократов во главе с Ц. Дамбадоржем на плавное, эволюционное развитие Монголии и гражданский мир между различными социальными группами.

«Правый уклон» правительства МНР произошел из-за наметившихся в 20-е гг. противоречий между Монголией и Советским Союзом. Вызывало недовольство некоторых членов монгольского руководства тот факт, что экономические связи практически полностью сосредоточены на СССР. Невозможность развивать торговые связи с другими странами беспокоила национальное руководство МНР во главе с Ц. Дамбадоржем. Ц. Дамбадорж летом 1926 г. заявил, что нарушение «равенства» в монгольско-советских отношениях повлечет «полное подчинение МНР и возможное включение ее в состав Советского Союза».

Для того чтобы ослабить позиции Ц. Дамбадоржа и его сторонников, советские дипломаты задумываются над созданием оппозиции в ЦК МНРП. Для этого по поручению советского руководства представители СССР в МНР опираются на партийную молодежь, вышедшую из сельских округов (худонов)⁸².

Так, в докладных записках декабря 1926 г. полномочного представителя СССР в МНР П. Никифорова Г. Чичерину подчеркивается то, что «оппозиции нужно предоставлять возможность занимать более высокие места по партийной линии, что определяется необходимостью противопоставить загнившей интеллигенции политическую волю худонцев, стоящих за более близкие союзнические отношения с Советским Союзом»⁸³.

⁸¹ История Монгольской Народной Республики. - М., 1998. - С. 134.

⁸² Там же. - М., 1998. - С. 137.

⁸³ Колмогоров В.Н. Деятельность КПСС и МНРП по формированию и укреплению советско-монгольского военно-политического сотрудничества в 1921-1945 гг. - М., 1984. - С. 40.

Оппозицию «худонцев» возглавлял П. Гэндэн который отличался резкой критикой правительства МНР за излишнюю осторожность в отношениях с Советским Союзом. Также П. Гэдэн и его товарищи упрекали Ц. Дамбадоржа в политической пассивности в международной сфере.

Попытки группы П. Гэдэна отстранить сторонников Ц. Дамбадоржа в ноябре 1926 г. на III Вещем Хурулдане потерпели провал. Они так и не смогли заручиться большинством среди членов народных депутатов и членов ЦК МНРП. Особое раздражение среди советского руководства вызвал тот факт, что данная попытка «худонцев» была их собственной инициативой, не согласованной с представителями СССР в Монголии. Как писал полномочный представитель СССР в МНР П. Никифоров Г. Чичерину: «Понятно, не скрой они (худонцы) свои замыслы от нас, я бы помог выполнить им этот план в допустимых пределах»⁸⁴.

Особое внимание можно обратить на слова посла о «допустимых пределах». Это замечание нам дает обоснованное предположение о том, что полностью контролировать правительство Монголии в 1926 г. у советского руководства не было возможности, не говоря уже об идее вхождения МНР в состав СССР.

Монгольско-советские взаимоотношения осложнялись так называемой «Тувинской проблемой».

В области современной Тувы с середины 20-х гг. были достаточно сильны два противоположных политических течения: с одной стороны сторонники панмонголистической идеи, с другой - у большинства населения хошуна Тувы наблюдались ярко выраженные просоветские настроения. Так в 1924 г. в южных районах Тувы прокатились восстания с лозунгами о присоединении ТНР с Внешней Монголией⁸⁵.

С 1925 гг. у МНР и СССР происходили очень сложные переговоры по определению международного статуса ТНР и согласования спорных

⁸⁴ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С. 191.

⁸⁵ История Тувы. - М., 1965. - Т.2. - С.112.

вопросов. 23 июля 1925 г. был подписан мирный договор между ТНР и СССР. В нем были зафиксированы официально установление союзнических отношений, организованны дипломатические миссии. Ранее 16 августа 1924 г. в Улан-Баторе аналогичные соглашения были составлены правительствами МНР и ТНР.

Советское руководство, обеспокоенное влиянием идей панмонголизма в Туве настаивало на независимости политических сил этого региона от правительства МНР⁸⁶.

Обеспокоенность дипломатов Советского Союза вызывал тот факт, что в случае оккупации МНР Китаем или империалистической Японией территория Тувы (Урянхайского Края) также автоматически перейдет под внешнее управление.

В октябре 1926 г. полпред в Монголии П. Никифоров заявил монгольскому премьер-министру: «Будучи Урянхай территорией, не входящей в МНР, даже в крайне неблагоприятной ситуации может оставаться независимой»⁸⁷. При этом руководство СССР прекрасно было осведомлено о том, что такие представители правительства МНР как Б. Церендорж, А. Амор и др., откровенно вынашивали идею вхождения Тувы в состав Внешней Монголии.

Союзников среди правительства МНР советские дипломаты нашли в лице представителей «худонской» оппозиции. Так, на одном из заседаний правительства осенью 1926 г. при обсуждении вопросов, связанных с вопросами независимости Тувинской Народной Республики представитель «худонской» стороны П. Гэндэн заявил: «Если мы получили свободу, пусть и другие ею пользуются, нам нет никакого смысла силой присоединять к себе не находящиеся среди нас племена»⁸⁸.

---

⁸⁶ Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. - Кызыл. - 1960. - С.103.

⁸⁷ Тихвинский С.Л. Россия и Монголия: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. - М.: 1996. – С.63.

⁸⁸ Далин С. Молодежь в революционном движении в Монголии. - М.-Л., 1929.-С.49.

Также советская и «худонская» точки зрения полностью совпадали по вопросу панмонголизма в широком аспекте. В ноябре 1926 г. был созван пленум ЦК МНРП, на котором принято решение «отказаться от панмонголистских тенденций и признать правительство Танну-Туву». Оппозицию из числа просоветской партийной молодежи на пленуме, как докладывал советский представитель в МНР, поддержала часть «молодых левых членов ЦК»⁸⁹.

В апреле 1926 г. были подняты вопросы монгольско-советских отношений при встрече Г. Чичерина с премьер-министром МНР А. Амора и председателем ЦК МНРП Цамбадоржем. Обсуждались такие темы как укрепление военного сотрудничества между двумя странами посредством большего внедрения советских инструкторов в монгольскую армию. Также велись переговоры по пограничным спорам и др.⁹⁰

Весной 1926 г. советским правительством принимается специальная директива контролирования экономической помощи МНР «О практике работы советских хозорганов в Монголии»⁹¹.

В это же время руководством СССР было замечено усиление роста недовольства некоторых членов МНРП из числа его руководства политикой увеличения контроля советских органов власти в области экономических отношений МНР с др. странами. В докладных записках советских дипломатов, находящихся во Внешней Монголии, правительству СССР этот факт не остается незамеченным: «Сейчас в Монголии усиливается рост антисоветских настроений. Такие рода эмоции характерны для многих членов чиновничьего бюрократического аппарата. Борьба с нашим инструктажем ведется как в открытой, так и закрытой форме. Ведутся попытки замены всех наших специалистов из банковской и финансовой государственной системы (Монглобанк и Монценкоп). Отмечаются

---

⁸⁹ Очур Б.Ч. Тувинская национально-освободительная революция 1921 г. и ее последствия. - Кызыл, 1959. – С.96.

⁹⁰ Коннор Т.О. Чичерин и советская политика 1918-1930 гг. - М., 1992. – С.80.

⁹¹ Там же - С.83.

многочисленные попытки экономических контактов с капиталистическими компаниями...»⁹².

В ухудшении отношений с МНРП советское правительство было склонно винить как собственные просчеты в торговой политики с Монголией, так и желанием прежнего монгольского руководства сохранить свою независимость в хозяйственной и организационной деятельности, замедлив сближение с советским Союзом. И если улучшение торговой политики можно достичь, улучшив качество и ассортимент торговой продукции, а также повысить уровень подготовки советских специалистов, проживающих в МНР; то, вторую и основную группу проблем можно решить «устранив старое монгольское руководство»⁹³.

Подтверждением такой политики руководства МНРП в данный период может служить речь премьер-министра МНР Б Церендоржа, произнесенная им зимой 1927 г. на торжествах по случаю своего 60-летнего юбилея: «Целью моей жизни всегда было укрепление монгольского национального корня...Я не знаю, чего хочет в Монголии Коммунистическая партия, но я ясно понимаю, что лет через 20-30 Монголия встанет перед двумя опасностями - обрусеть или окитаиться. К каким печальным последствиям приводит обрусение, можно видеть на бурятах»⁹⁴.

Выступивший после этой речи Н. Жадамба, призвал не допустить раскола МНРП и всего монгольского общества. Он заявил, что для государства сейчас самое печальное, это - «деление членов партии на своих и чужих.»⁹⁵.

Все это время продолжались переговоры монгольской и советской сторон по различным самым острым проблемам. Советская сторона постоянно выражала тревогу по поводу «шовинистического направления курса МНРП». Монгольское руководство в ответ указывало на

---

⁹² Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. - М., 1988. – С.98.

⁹³ Там же. - С.102.

⁹⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. – Магнитогорск, 1996., - С.114.

⁹⁵ Там же. - С.115.

невозможность в монгольско-советских отношениях полного доминирования советской позиции во всех политических и экономических вопросах, касающихся национальных интересов МНР⁹⁶.

Также в монгольско-советских переговорах поднимались и другие такие сложные вопросы как: 1) о поселенцах на пограничных территориях; 2) о советских военных инструкторах в монгольской армии; 3) о взаимоотношениях советских и монгольских хозяйственных органов; 4) о правилах нахождения советских граждан на территории МНР; 5) о переговорах по уточнению границ Монголии и СССР.

По всем вопросам советская сторона проявила гибкость и готовность идти на компромисс. Так были найдены взаимоприемлемые решения по вопросам монгольско-советских смежных комиссий по делам советских переселенцев и по согласованию спорных участков пограничных территорий Монголии и Советского Союза⁹⁷.

Были такие важные вопросы как строительство железной дороги Кяхта - Улан-Батор. Для этого в Монголию была направлена специальная экспедиция, в которую с учетом пожелания монгольского правительства входили и монгольские представители⁹⁸.

Ранее некоторые члены МНРП обвиняли советское руководство в «железнодорожной гегемонии», а все доводы, что еще 1 Великий Хурал призывал к строительству железной дороге в МНР, не принимались ими в расчет⁹⁹.

Продолжались попытки правительства Б. Церендоржа создания финансовой системы МНР без активного советского участия¹⁰⁰.

В тезисах ЦК МНРП накануне очередного съезда партии было записано о необходимости отхода Монголии из-под влияния СССР, а также о постепенном выводе советских советников из органов управления Монголии

⁹⁶ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т. I-П. - М., 1975-1979. - Т. I. - 256.

⁹⁷ Там же. - С. 278.

⁹⁸ Матвеева Г. С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. - М., 1988. - С. 145.

⁹⁹ Там же. - С. 146.

¹⁰⁰ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. - М., 1975-1979. - Т. I. - С. 296.

и монгольских вооруженных сил. Также предполагалось расширение торговых и культурных связей с капиталистическими западными странами¹⁰¹.

В таких условиях, ставка Коминтерна была сделана на оппозиционные силы в МНРП. При этом советское правительство прекрасно осознавало слабость «худонцев» и то, что у них нет сил, на VI съезде МНРП взять власть в свои руки.

Несмотря на явный перевес на стороне Ц. Дамбадоржа и его сторонников и то, что «худонцы» не смогли заблокировать не один из проектов монгольского правительства, на съезде не произошло «решительного боя». В вопросах железных дорог и создания единой монгольской системы были проявлены компромиссные решения¹⁰².

Как докладывал руководству НКВД, полномочный представитель СССР в Монголии А.Я. Охтин: «в отчетном докладе Ц. Дамбадоржа прямых выпадов против СССР не наблюдалось»¹⁰³.

Представители советской делегации на съезде не стали занимать официально чью-либо сторону, хотя неформально лоббировали интересы монгольской оппозиции. Достижением которой можно считать лишь небольшое увеличение сторонников из числа депутатов и членов ЦК (к ним примкнули часть «левых» членов МНРП).

Таким образом, расстановка сил сохранилась в монгольской политической системы, и «статус-кво» в структуре МНРП не изменился, отложив решения на многие вопросы в монгольско-советских отношениях, которые по-прежнему были довольно напряженными на будущие времена.

ЦК МНРП также твердо стоял на позициях национального возрождения без руководящей роли СССР. Советское правительство вынуждено было считаться пока с этим политическим курсом руководства МНР, занимая выжидательную и осторожную позицию. Ц. Дамбадорж и его

---

¹⁰¹ Там же. - С.294.

¹⁰² Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С. 195.

¹⁰³ Там же. - С. 196.

сподвижники руководствовались идеей монгольской национальной самодостаточности.

Вот одна из характерных инструкций ИККИ, специально составленная для дипломатических работников СССР на территории МНР, оговаривающая правила ведения переписки с монгольскими товарищами: «Тон ваших писем должен быть обязательно наполовину дружественным, поскольку положение вещей обязывает нас пока считаться с большинством ЦК и наши взаимоотношения не доводить до острых осложнений и открытой борьбы с правой узко-националистической политикой, на рельсы которой перешло данное большинство ЦК»¹⁰⁴.

Однако, несмотря на конфронтацию между двумя странами в этот период, монгольско-советский диалог не прерывался ни на один день и переговоры по различным вопросам продолжались вестись регулярно.

В марте 1928 г. были подписаны важнейшие документы, регламентирующие основные положения по проблемам миграционной политики СССР и МНР. Так по просьбе монгольской стороны СССР вводил ограничение на деятельность советских поселенцев в Монголии. В статье 5 договора о русских колонистах в МНР говорилось: «Органы власти СССР не разрешают въезд новых поселенцев на территорию Внешней Монголии. Проживающие в Монголии поселенцы - граждане СССР не имеют права согласно, существующих законов продавать или передавать свое недвижимое имущество, без разрешения монгольских властей»¹⁰⁵.

Также была продолжена работа по осуществлению совместной монгольско-советской хозяйственной деятельности. Для упорядоченности которой вышло постановление ЦК ВКП(б) от 14.04.1928 г.¹⁰⁶.

Поражение китайской революции и изменившаяся в связи с этим обстановка на Дальнем Востоке заставила советское правительство искать более кардинальные решения идеологических задач в Монголии. Так, 14

---

¹⁰⁴ Там же. - С. 210.

¹⁰⁵ Там же. - С. 211.

¹⁰⁶ Внешняя политика МНР в документах/ - Улан-Батор, 1974.-С.126.

сентября 1928 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) была утверждена резолюция ИККИ: «Ввиду того, что теперешнее руководство МНРП все больше склоняется в сторону торгового капитала, ввиду того, что при теперешнем положении вещей, Коммунистический Интернационал стеснен в деле необходимой критики деятельности монгольской партии. »¹⁰⁷.

Постановление руководства ИККИ включали следующие пункты:

- «1). Исходя из необходимости ликвидации подчинения Народно-Революционной Партии Внешней Монголии Коминтерну, пересмотреть все прежние формы связи между монгольской партией и Коминтерном.
- 2). Обеспечить и в дальнейшем всемерную поддержку трудящихся масс Внешней Монголии в деле их организации...
- 3). Принять к сведению заявление представителя ВКП(б) о полной готовности ВКП(б) способствовать выяснению всех недостатков организаций СССР в Монголии»¹⁰⁸. Согласно установленной позиции советское руководство начинает осуществлять план по отстранению от руководства партией Ц. Дамбадоржа и членов МНРП, разделяющих его точку зрения. Его обвиняют в «правом» национальном уклоне¹⁰⁹.

Накануне октябрьского съезда 1928 г. работниками Коминтерна стал разрабатываться план по смещению лидеров МНРП с их занимаемых должностей. При этом вариант полного замещения нынешнего руководства «оппозиционными силами» не рассматривался, так как большинство советских представителей в Монголии отмечали малый политический опыт теми в управлении страной.

Так в секретной докладной записке 1928 г. В. Молотову от руководителей Коминтерна в Монголии говорилось: «Вожди «худонцев» слабы, существует сильное недовольство в народных массах, которым при неблагоприятных условиях могут воспользоваться третьи силы. Нашему

¹⁰⁷ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С. 212.

¹⁰⁸ Там же. - С. 213.

¹⁰⁹ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М., 1934. - С.158-159.

влиянию подвержены большинство делегатов с мест, но для полного политического переворота этого может не хватить»¹¹⁰

6-20 октября 1928 г. прошел драматический съезд Пленума ЦК МНРП, на котором и была осуществлена удачная попытка захвата «худонской оппозицией» власти. При поддержке Коминтерна и советской делегацией члены оппозиции во главе с П. Гэндэном добились отстранения чтения доклада Ц. Дамбадоржа. Повестка всего съезда прошла под полную диктовку советской стороны¹¹¹.

План ареста самого премьер-министра МНР Ц. Дамбадоржа с последующим его расстрелом также обсуждался на совещании коминтерновской группы и членов «худонской» ячейки ЦК МНРП¹¹²

На таком драматичном развитии событий настаивали именно представители монгольской стороны, которых коминтерновскими сотрудниками удалось переубедить и отказаться от таких радикальных мер.

Как гласила записка одного из руководителей Коминтерна в МНР в Монголии Б. Шмералья Н.И. Бухарину: «Мы знали из истории партии случаи, когда в 1922 г. был расстрелян Бодо, а затем в 1924 г. был расстрелян Данзан. Мы решили, что достаточно будет заручиться поддержкой военных частей. Что и было сделано...»¹¹³. По завершению Съезда жизнь Ц. Дамбадоржу была сохранена, но сам он был обвинен в «правом уклоне» и потерпел сокрушительное политическое поражение.

В дальнейшем на различных заседаниях МНРП была осуждена любая попытка «правого уклона» со стороны монгольского руководства. Желания членов партии Ц. Дамбадоржа, и их сторонников в их попытке сознательного отхода от идеологической направленности СССР решительно подверглась жесткой критики. Теория Ц. Дамбадоржа, в которой он утверждал, что МНР

¹¹⁰ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С. 211.

¹¹¹ . Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М., 1934. - С.159.

¹¹² Там же - С.160.

¹¹³ Там же. - С.190.

может обходиться без контролирующей «руки» Советского Союза была решительно осуждена большинством членов МНРП¹¹⁴.

Спор между «правыми» и «худонцами» теперь был полностью предreshен. Выступивший на съезде Х.Чойбалсан, в частности, сказал: «Отход от Коминтерна означал бы - грызть землю зубами. Я считаю, что сейчас наша самостоятельность не защищается никем, кроме СССР»¹¹⁵.

К концу 1929 г. из политического руководства Монголии были удалены все «националисты», включая Ц. Дамбадоржа и Ц. Жамцарано. за исключением А. Амора. Оставляя на руководящем посту такую политическую фигуру как А. Амора, который также был известен своей критикой вмешательства СССР во внутренние дела МНР, советское руководство считало, что опыт последнего необходим новой монгольской партийной элите под руководством П. Гэндэна¹¹⁶.

В эти годы снова возникла дискуссия, напоминающая события после революции 1921 г. и подписания первого монгольско-советского договора, о советской стратегии по отношению к Монголии вообще как в плане внешней политики, так и в плане реализации классовых идеологических задач.

Так один их коминтерновских руководителей в Монголии Б. Шмераль, заявил следующее: «Нашей задачей является сохранение влияния на этой территории, и хотя бы негативно, но добиваться того, чтобы Монголия не подпала под влияние империалистов. Эта задача важнее, чем строительство социализма в стране, населенной 700000 пастухов»¹¹⁷.

Несмотря на разногласия, все члены данной дискуссии сходились в том положении, где говорилось о праве Коминтерна и правительства СССР вмешиваться во внутренние дела МНРП и монгольского государства¹¹⁸.

---

¹¹⁴ Там же. - С.191.

¹¹⁵ Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. - М., 1961 - С.51.

¹¹⁶ Стратегия и тактика Коминтерна. Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М., 1934. - С.193.

¹¹⁷ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С.214.

¹¹⁸ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М., 1934. - С.194-195.

Право активно влиять на политику МНРП предполагалось советским руководством, исходя из усложнения международной обстановки и выходом на политическую арену таких сил, как империалистическая Япония.

Результатом подобных совещаний стало принятие новой резолюции ИККИ по Монголии, где напрямую говорилось о безоговорочном подчинении нового монгольского руководства НРП МНР непосредственному управлению коминтерновских структур¹¹⁹.

Благодаря победе Коминтерна открылись большие перспективы дальнейшего политического и экономического сотрудничества между МНР и СССР. Появилась возможность обсуждения основополагающего базового договора между двумя странами.

Для выработки данного договора в апреле 1929 г. в Москву прибывает делегация П. Гэндэна. На этот раз в составе делегации не было несогласных с мнением советской стороны. И поэтому составление проекта соглашения между двумя сторонами было осуществлено в кратчайшие сроки и совершенно бесконфликтно.

По прибытию на родину на доклад П. Гэндэна об итогах работы его делегации в Москве с критикой обрушился А. Амор. Он, в частности, заявил: «Как Гэндэн мог руководствоваться такими текстами проектов..,ведь при таком варианте логичнее сначала присоединить Монголию к СССР, а затем уже подписать договор»¹²⁰.

Особенно А. Амора не устраивали такие разделы договора как об обязательстве Монголии вести торговые отношения только через посредничество СССР, таможенных тарифах между странами, о банковской и финансовой системе МНР. Однако большинство членов ЦК МНРП лояльно отнеслись к данному монгольско-советскому соглашению и не поддержали выпада А Амора против П. Гэндэна. Проект был утвержден как «отвечающим национальным интересам страны» без больших изменений.

¹¹⁹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, воззвания, конгрессы Коминтерна и пленумы ИККИ. 1919-1932. - М., 1933. - С.366.

¹²⁰ Амор А. История Монголии (1919-1936г). - М., 2008. - С.216.

Позиция А. Амора тоже не отличалась единством. Он с одной стороны понимал всю важность сближения МНР с СССР. Он видел тот колоссальный прогресс, который нес этот договор его экономически отсталой стране. Премьер-министр МНР прекрасно осознавал значимость помощи Советского Союза в создании на территории Монголии промышленной инфраструктуры, совершенствования отрасли сельского хозяйства, аппарата здравоохранения и др. Но при этом он видел покушение на независимость МНР. Он считал главным это «сохранение баланса в отношениях с СССР»¹²¹.

В основном проекте договора советские представители во многом учли пожелания А. Амора и пошли на компромиссные решения по таможенному пункту, по вопросам режима в пограничных территориях и ряда др. важных для монголов вопросах¹²².

27 июня 1929 г. соглашение «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» было подписано. Во избежание утечки информации на Запад дополнительные соглашения носили гриф «совершенно секретно».

По соглашению от 27 июня 1929 г. СССР обязался оказывать содействие в развитии промышленности по обработке всех видов монгольского сырья, снабжать МНР оборудованием и стройматериалами, предоставлять долгосрочные, льготные кредиты, обеспечивать научно-исследовательскую и промышленную разведку природных богатств и др.

Также в рамках этого соглашения в ноябре 1929 г. монгольским и советским правительствами принимается решение о строительстве первых крупных промышленных предприятий.¹²³

Подписываются многие другие двусторонние монгольско-советские соглашения: Протокол о правах граждан по таможенным вопросам (7 статей); Конвенция о борьбе с эпизоотиями (14 статей); утвержден Протокол

---

¹²¹ Там же. - С. 247.

¹²² Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С.246.

¹²³ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - С.135.

решений по поселенческим вопросам от 14 марта 1928 г. (19 пунктов); Протокол об урегулировании вопросов в области гражданства (4 статьи); Конвенция об упрощенном переходе государственной границы СССР и МНР для проживающих в 100 км полосе (13 статей протокола); телеграфное соглашение. Одновременно, был подписан Протокол заседания монголо-тувинской комиссии по установлению и уточнению государственной границы между Тувой и МНР¹²⁴.

10 января 1930 г. А. Амор официально заявил коминтерновским представителям о своей отставке. Он ссылается на «осложнения со здоровьем», а также «политической близорукостью в прошлом». Его просьбу советское руководство удовлетворило. Уход А. Амора явился одной из причин ужесточения борьбы нового монгольского руководства с «феодалной собственностью и ламским засильем в МНР»¹²⁵.

Таким образом, процесс взаимной «спайки» политической и экономической систем МНР и СССР с 1925.-по 1928гг носил характер обоюдоострый и достаточно болезненный и зачастую без учета суверенных интересов монгольского народа. Попытки провести независимый политический курс правительства Ц. Дамбадоржа были осуждены советской стороной и пресечены как «правый уклон». Курс на тесное идеологическое сближение между двумя странами дал Монголии мощный политический и экономический импульс.

2.2. Взаимоотношения Монголии и СССР на фоне агрессивной политики Японии в дальневосточном регионе в конце 20-х - начале 30-х гг.

¹²⁴ Документы внешней политики СССР. - Т.1-4. - М.,1957. - С.390.

¹²⁵ Архипов В.А. Историческая вежа братского союза советского и монгольского народа / В.А. Архипов // Проблемы Дальнего Востока. - 1986. - №2.-С.25.

Политическая ситуация в «квадрате» МНР-СССР-Китай-Япония к 1927 г. обуславливалась двумя основными факторами. Во-первых, изменением стратегии и тактики Коминтерна и правительства СССР в отношении Монголии из-за поражения в Китае национальной революции.

Во-вторых, внутривнутриполитическими событиями в СССР - началом формирования системы сталинизма, и выдвинутой И.В. Сталиным новой линии на построение социализма в одной, отдельно взятой стране и свертывание курса мирового Коммунистического Интернационала во всех западноевропейских странах и государствах Востока.

Идеологические идеи мировой революции были заменены сталинским видением государственных интересов СССР. С этого момента стратегия ЦК КПСС была направлена на создание системы национальной безопасности страны, окруженной враждебными политическими системами. При сохранении прежних политических лозунгов международной коммунистической солидарности с рабочим классом других стран на первое место постепенно стали выходить суверенные государственные интересы Советского Союза¹²⁶.

Монголия в данном контексте событий становилась основным в тот период идеологическим союзником СССР на внешнеполитической арене и попадала в отведенную ей стратегическую роль «буферной зоны» в дальневосточном регионе для Советского Союза. МНР по стратегии Сталина должна была стать образцовым социалистическим государством для др. отсталых стран Востока и выполнять свои локальные задачи в зависимости от международной политической обстановки. Саму Монголию отведенная советским руководством роль вполне устраивала, так как давала ей возможность отстаивать свои национальные и государственные интересы, на фоне усиливающейся угрозы со стороны Китая и особенно империалистической Японии.

---

¹²⁶ Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые 10 лет Советская внешняя политика 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. - М., 1992. - С.144.

Особенно волнующим фактором на Дальнем Востоке во второй половине 20-х гг. стал внешнеполитический курс Японии, не скрывающей свои претензии на лидерство в данном регионе. Подробный план военной и политической экспансии империалистической Японии был опубликован в советской печати в 1931. Так в меморандуме генерала Танака от 25 июля 1927 г., была описан четкий план действий Японии по отношению к Монголии¹²⁷.

Политическая стратегия Японии на Дальнем востоке строилась на детальном учете различных межгосударственных аспектах этого региона: идей панмонголизма в МНР и Внутренней Монголии, политики таких китайских милитаристов как Чжан Цзолинь, и др. факторах¹²⁸.

Политические круги СССР внимательно следили за развивающейся обстановкой, а в частности, за политикой японцев на Дальнем Востоке. Осенью 1927 г. на заседаниях руководства НКВД, были обозначены следующие угрозы японской внешней политики для МНР: а) использование Чжан Цзолиня и др. антисоветских сил для дискредитации советских сфер влияния среди князей Внутренней Монголии; б) попытки, при помощи панмонголистической идеи, объединить все территории Монголий. Чтобы затем на них и нескольких пограничных провинциях Китая создать подконтрольное Японии государство.

Все эти планы империалистической Японии были подтверждены советскими агентурными источниками, которые работали на территориях Монголии, Японии и сопредельных регионах.¹²⁹

Идею создания «антисоветской буферной зоны» правительство Японии вынашивало в противовес открытым военным действиям на Дальнем Востоке. Японское руководство принимало тот факт, что прямая оккупация данных территорий не только может быть осуждена международным сообществом,

¹²⁷ Шойжелов К.С. Политика японского империализма в Монголии / С.Шойжелов // Большевик. - 1931. - №15. - С.19.

¹²⁸ Коммунистический Интернационал. М. - 1931. - № 33-34. - С.48-49.

¹²⁹ Каретина Г.С. Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-х гг. - М., 1984. - С.56.

но и вызовет ответную резкую реакцию СССР, к войне с которым Япония не была готова на тот момент. Осуществление же плана по созданию «защитной зоны из монгольско-китайских территорий» можно было бы преподнести на международной арене как желание самих монгольских князей.

Началом реализации японского плана явился многомиллионный кредит, данный правительством Японии, генералу Ч. Цзолиню на проведение специальной военной экспедиции по территориям обеих Монголий¹³⁰. Предполагалось, что китайский генерал использует свое влияние на крупных князей во Внутренней Монголии.

Чтобы заручиться поддержкой общественного западного мнения, китайский генерал дал многочисленные интервью различным европейским газетам, где выставил себя поборником защиты прав населения, проживающего на данных территориях. Целью монгольского похода обозначалась защита Внутренней Монголии от военной экспансии СССР и МНР, которую он назвал «куклой в руках Советской России»¹³¹.

Одновременно с генералом Ч. Цзолиню другим возможным организатором антисоветских сил в дальневосточном регионе японским руководством рассматривался белогвардейский атаман Семенов, который также получил на подготовку в Монголии рейда пятьсот тысяч иен. Однако, проведенная атаманом Семеновым в Шанхае среди белой эмиграции и монгольских князей пропаганда под лозунгом «борьбы с большевизмом» не смогла в силу ряда причин достичь желаемого успеха¹³².

24 января 1927 г., по рекомендации исполнительного комитета Коминтерна ЦК МНРП отменил, ранее разрешенный въезд японского консула Танака в МНР¹³³.

Советское правительство внимательно исследовало политическую ситуацию в дальневосточном регионе и использовало любую возможность

---

¹³⁰ Там же. - С.58-59.

¹³¹ Там же. - С.62.

¹³² Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. - М., 1957. - С.100.

¹³³ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. - М., 1969. - С.119.

влиять на нее в своих интересах. Так чтобы оказать свое влияние на деятельность известного ламаистского иерарха Панчен-ламы, выехавшего из Пекина во Внутреннюю Монголию, был использован авторитет знаменитого художника и исследователя Азии Н.К. Рериха¹³⁴.

Весной 1927 г. происходит очередное обострение советско-китайских отношений. Так в столице Китая было разгромлено пекинской полицией советское консульство. В ответ на ноту протеста советского правительства, китайские власти заявили о том, что под личиной посольства СССР в стране скрывался революционный центр по «распространению агитационной литературы», направленной на подготовку свержения законной власти в Китае.

В советских комментариях, опубликованных в газете «Правда», к китайской ноте говорилось о том, что факты, изложенные представителями китайской стороны, является абсолютно лживыми, и направленными только на разрушение «братских китайско-советских взаимоотношений».¹³⁵

Трактовка событий в столице Китая японской прессой была однозначно антисоветской: газета «Кокумин» сделала заявление о полномасштабной интервенции СССР в Китае, а в сообщении др. газеты, «Манчжоу бао» говорилось о сосредоточении на японско-китайской границе со стороны МНР воинских частей «азиатской советской Красной Армии», готовящейся вступить на беззащитные земли Внутренней Монголии¹³⁶.

Агрессивные действия японцев на границе с Внутренней Монголией вызывали тревогу в советском правительстве. Летом 1927 г в ответе японского МИДа на запрос советских дипломатов по позиции сохранения баланса советско-японских интересов в дальневосточном регионе говорилось следующее: «Японское правительство, исходя из интересов поддержания мира в Маньчжурии и Монголии, будет стремиться к экономическому

---

¹³⁴ Коннор Т.О. Чичерин и внешняя советская политика 1918-1930 гг. - М., 1992. - С.88.

¹³⁵ «Правда», 10.04.27.

¹³⁶ Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2. 1917-1945 гг. - М., 1973. - С.371.

развитию последних, действуя на основе соглашений, для чего оно будет придерживаться политики открытых дверей и равных возможностей. При этом, однако, Японское правительство ни в коем случае не допустит нарушения географического и исторического преобладающего положения Японии в этих районах... Японское правительство будет содействовать поддержанию мира и спокойствия в Маньчжурии и Монголии. Поскольку фактическим правителем 3-х провинций в настоящее время является Чжан Цзолинь, с ним Япония и будет вести переговоры в части, касающейся монголо-маньчжурских вопросов»¹³⁷.

Характерно, что во всех японских документах этого периода, связанных так или иначе с монгольской проблемой, фигурировал неопределенный термин «Монголия», который с успехом можно было применять и распространять, как на территорию Внутренней Монголии, так и на остальные монгольские земли, включая МНР и Бурятию. Другой особенностью данных документов была изначальная констатация «права» Японии на маньчжуро-монгольский регион и исключение из этого региона СССР и Китая, несмотря на формальные обязательства согласовывать свои действия с данными державами¹³⁸.

Осложнение внешнеполитической обстановки из-за поражения китайской революции и, вследствие этого еще более агрессивной деятельности японского правительства относительно МНР, заставило изменить свою стратегию по дальневосточной проблеме как монгольское, так и советское руководство.

В МНР усилилась антикитайская линия, проводимая еще «прежде» национальным правительством Б. Церендоржа, который еще в свое время руководства страной, заявлял о своем критическом отношении «как ко всему китайскому народу, так и политике Гоминьдана»¹³⁹.

¹³⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.114.

¹³⁸ Там же. - С.114.

¹³⁹ Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая. 1927-1945. - М., 1978. - С.230.

На фоне проводимой антикитайской политики в МНР принимается закон «Об иностранцах». В нем китайских поселенцев и торговцев из Внутренней Монголии приравнивают к «контрреволюционным элементам» и ограничивают их возможность передвижения по МНР. Усиливается давление на тех китайцев, которые уже давно проживали на территории МНР. Проводится «политика запугивания» китайского населения на территории Внешней Монголии. Именно на период деятельности правительства И. Гэндэна приходится вершина антикитайских настроений в МНР.

Поражение революционного баргинского движения в 1928 г. обозначил отход советского правительства от продолжения курса на мировую революцию и совпадает с началом активизации внешних политических сил Китая и особенно империалистической Японии во Внутренней Монголии¹⁴⁰.

Надо отметить, что противодействовать японской агрессии во Внутренней Монголии Советскому Союзу после 1928 г. было нечем, так как реальной политической силы у СССР в этом регионе не было.

Однако волнения на КВЖД в сентябре 1929 г. вернули возможность политического влияния СССР во Внутренней Монголии, так как вызвали сильные националистические антикитайские настроения среди простых аратов, так и среди монгольских князей Внутренней Монголии. Наблюдался значительный рост их симпатий к МНР и СССР. Так, в секретном донесении советского полпреда А.Я. Охтина Л.М. Карахану от 28 сентября 1929 г. говорится: «Даже среди лояльных к Китаю князей Барги и Внутренней Монголии замечено недовольство стягиванием китайских войск. Не подлежит сомнению, что реальное осуществление похода на МНР еще более усилит рост националистических настроений и создаст благоприятную

---

¹⁴⁰ История советско-монгольских отношений. - М., 1981. - С.301.

обстановку для работы советских представителей во Внутренней Монголии.»¹⁴¹.

Монгольские и советские руководители были готовы к войны МНР на стороне СССР против Китая. Данный вопрос стал предметом обсуждения на специальном заседании ЦК МНРП и правительства 19 августа 1929 г. Итоговая резолюция заседания подтверждала верность МНР «монгольско-советскому союзу... и готовность выступить против китайской агрессии»¹⁴².

Политические интересы Советского Союза и МНР были выше экономических потребностей монгольско-китайских связей, поэтому торговая блокада Пекина в 1929 г., объявленная МНР, хоть и ударила по интересам простого аратства, но не смогла поколебать решения монгольского правительства.

С 1929 г. начинается активное сближение МНРП с коммунистами Китая. 15 сентября 1929 г. состоялся 4 Пленум ЦК МНРП, на котором были утверждены документы и материалы совместного заседания представителей ЦК МНРП и ЦК КПК. Пленум одобрил идею создания прочного союза между двумя партиями и принял ряд постановлений: «Об установлении постоянных контактов МНРП и КПК»; «О взаимоотношениях с КПК» и др. В этих постановлениях особо подчеркивалось предательская роль Гоминьдана в китайском и монгольском революционном движении, утверждались совместные мероприятия МНРП и КПК, говорилось и о ведущей роли СССР¹⁴³.

Однако подход к определению будущего международного МНР у китайских коммунистов был различным. Часть руководства КПК была готова согласиться с национальной и суверенной независимостью монгольского народа, а другая часть (такие как руководитель политбюро КПК Ли Лисянь)

¹⁴¹ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С.146.

¹⁴² Документы внешней политики СССР. - Т.1-4. - М.,1957. - С.290.

¹⁴³ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С.148.

признавала Внешнюю Монголию только как автономную область в составе Китая¹⁴⁴.

Накануне японского вторжения в Маньчжурию советскому руководству стало известно о секретных деталях военной операции Ч. Кайши против МНР. В секретном сообщении заместителя НКВД Советского Союза Л. Карахана на имя И. Сталина говорилось о поручение провести эту акцию непосредственному исполнителю - генералу Ч. Сюэляну: «Настоящий момент является наиболее подходящим для окончательного разрешения монгольского вопроса... через нанесение удара против Внутренней Монголии по 2 направлениям сразу, так как СССР не посмеет, в силу международных условий, открыто вступить за монголов»¹⁴⁵

Письмо Карахана Сталину подтверждает намерения самого Китая, используя японскую угрозу, напасть на МНР. При этом китайское правительство явно переоценивало свои возможности, приуменьшая возможность нападения Японии на сам Китай »¹⁴⁶.

Японская агрессия в Маньчжурии опрокинула планы Китая в отношении МНР. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские части, овладели Мукденом, захватив большую часть Маньчжурии. Потенциально японцев мог остановить генерал Ч. Сюэлян, но по приказу Чан Кайши значительная часть его армии без боя была отведена на юг. Расчет китайского руководства строился на привлечении внимания Лиги Наций к японской агрессии. Однако решение Лиги от 10 декабря 1931 г. о рассмотрении данного вопроса специальной комиссией (комиссия Литтона) не сыграло принципиальной роли. Япония, воспользовавшись паузой в деятельности комиссии, в марте 1932 г. на захваченных территориях провозгласила марионеточное государство Маньчжоу-Го. В состав этого

¹⁴⁴ Григорьев А.М. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928-1930) // Коминтерн и Восток. - М., 1969. - С. 331-332.

¹⁴⁵ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.121.

¹⁴⁶ Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая. 1927-1945. - М., 1978. - С.39.

государственного образования вошла часть территорий Внутренней Монголии (Восточная Монголия), Барга и Маньчжурия¹⁴⁷.

20 февраля 1932 г. японский представитель Сато, выступая в Женеве на Совете Лиги Наций, предпринял попытки провести «уравнивания» между политикой Японии и действиями Советского Союза в отношении Внешней Монголии, и тем самым найти оправдание японскому вторжению на территорию Китая. Он заявил: «Лига Наций не подняла голоса против исчезнувшей с карты Китая Внешней Монголии, которая присоединена к СССР. Прежде чем обвинять нас за наши действия в Маньчжурии, следовало бы Лиге Наций выступить против такого исчезновения Внешней Монголии. Мы не затрагиваем суверенитета Китая и должны рассматриваться, как совершающие допустимые действия»¹⁴⁸

В ответ на речь Сато, представитель Китая опроверг подобное сравнение ввиду того, что МНР была политически независима от Китая до создания Лиги Наций. И кроме того разрыва, пусть теперь де-юре - формального действия статьи 5 китайско-советского соглашения по признанию МНР частью Китая 1924 г. не было. По этой причине Китай не мог никак выдвинуть против СССР официальных обвинений¹⁴⁹.

Японская агрессия в Маньчжурии объективно сняла китайскую угрозу военного вторжения в МНР, которая, несомненно, существовала накануне 19 сентября 1931 г»¹⁵⁰.

После анализа сложившейся обстановки на Дальнем Востоке советским руководством было принято решение по увеличению военного сотрудничества с МНР в связи с возросшей японской угрозой¹⁵¹.

В это же время внутри МНР произошли крупные восстания аратов в различных монгольских аймаках. Этот кризис спровоцировала неверная политика левого руководства МНРП. Члены «левого крыла» МНРП

¹⁴⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.121.

¹⁴⁸ Там же. - С.121.

¹⁴⁹ Там же. - С.122.

¹⁵⁰ Кара-Мурза Г.С. Оккупация Маньчжурии и образование Маньчжоу-Го. - Чита, 1945. - С.21.

¹⁵¹ Зверев А.Г. Записки министра. - М., 1973. - С. 69.

проводили открытую политику преследования по религиозному признаку «ламства», приведшую к резкой критике среди простого аратства всего руководства МНР¹⁵².

Для прекращения дальнейшего политического кризиса в 1930 г. «левый уклон» был осужден. С 1932г. в течение двух лет проводился «новый курс» построения социализма в МНР, в котором наблюдались элементы рыночных отношений и политической демократии. «Новый курс» был свернут после очередного съезда МНРП в 1934 г.

На международное положение МНР существенно влияло созданное на восточных границах МНР государственное объединение Маньчжоу-Го.

На дальнейшее будущее Монголии у различных политических сил были совершенно противоположные точки зрения. Однако, большинство международных экспертов США, Англии, Японии отмечали одну особенность политических реалий во Внутренней Монголии: формирования нового монгольского национализма, независимого от советского, китайского или японского влияния¹⁵³.

Так, известный уже тогда американский монголовед и путешественник О. Латтимор в статье «Неизведанные границы Маньчжурии», опубликованной в «Форин Афферс» за январь 1933 г., пишет: «Некоторые монгольские вожди Внутренней Монголии надеются, что из антагонизма Китая, Японии и России они сумеют выкроить монгольское независимое государство»¹⁵⁴.

Появилось много статей, по-новому трактующих статус самой МНР, не только как «подданного» Москвы, но и как независимого государства, развивающегося на собственной национальной основе. Так, журнал «Фортнайтл Ревью» писал: «Правительство МНР преследует цель создания великой и свободной монгольской нации и орудием этого является прогресс

¹⁵² Дашдаваа Ч. Некоторые вопросы политики Коминтерна и ЦК КПСС в Монголии. - М., 1996. - С. 55.

¹⁵³ Железняков А.С. Монголия и «русский коммунизм» // Научно-информационный бюллетень. - М., 1996. - С. 80.

¹⁵⁴ Foreign Affairs, 1933, January, vol.21. - P.57.

и цивилизация. Монголы в восторге от силы и быстроты движения к цели в Советском Союзе и они убеждены, что это их образец. Примечателен, тем не менее то факт, что МНР не добивается включения ее в состав Союза, но остается вне его, свободно подражая СССР и стремясь к собственной политической независимости»¹⁵⁵.

В новом ключе обсуждалась и проблема переплетения интересов СССР, Японии, США, Китая вокруг «дальневосточного узла» МНР - Маньчжоу-Го. Так, описывались эти отношения в западной прессе того времени: «Японские планы реставрации маньчжурской династии жизненно затрагивают интересы 3-х наций: Америки, Китая и СССР. Америки потому, что японская политика ведет к дальнейшему нарушению соглашений, принятых на Вашингтонской конференции и поэтому усиливает хаос на Дальнем Востоке. Китая потому, что реставрация маньчжурской династии означает дальнейшую консервацию позиций Японии в северо-восточных провинциях Китая и Монголии, и может привести к потере северного Китая. СССР потому, что японские мероприятия угрожают Внешней Монголии, которая граничит с советской территорией»¹⁵⁶.

Что касается японской прессы и китайских изданий, находившихся под цензурой японского правительства, то они были явно предвзяты в подаче данной проблемы, сводя ее либо к описанию «ожиданий всех монголов скорее войти под покровительство Японии», либо к «коварной деснице» Москвы, действующей по всему Китаю.

Во внутренней Монголии к 1933 г. появляется на политической авансцене новая сила, выражающая националистические интересы аратов Внутренней Монголии, возглавляемая князем Дэвана. Он смог объединить других мелких князей, которые на тот момент еще не примкнули к японцам, сумев создать собственное государственное объединение¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Blsson T.A. Outer Mongolia. A New Danger Zone - the Far East // Foreign Policy Report. - New York, 1935., - P. 31-32.

¹⁵⁶ Там же. - P.32.

¹⁵⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.156.

За действиями этой силы внимательно приглядывали как японская сторона, предлагавшая ему свое сотрудничество, так и советская - занимавшая в то время выжидательную позицию¹⁵⁸.

В отличие от оценки деятельности Дэвана, реакция официального руководства МНР на японскую агрессию была однозначна. В резолюции Президиума ЦК МНРП, Малого Хурала и правительства, принятой в октябре 1931 г., говорилось о полной поддержке «рабоче-крестьянских масс Китая, борющихся под руководством коммунистов Китая против контрреволюционной диктатуры гоминьдана и японских агрессоров»¹⁵⁹.

В связи с нарастающей японской угрозой в МНР резко активизировалось военное сотрудничество. В целях повышения обороноспособности страны в течение 1932-1933 гг. МНР посетили известные советские военные начальники - К.К. Рокоссовский, И.А. Плиев, и др. При их активном содействии была полностью переоснащена монгольская армия¹⁶⁰.

24 февраля 1933 г. проблема японской агрессии вновь была поднята на съезде Лиги Наций. Принятая резолюция о создании комитета с представителями 18 стран для регулирования военного конфликта между Японией и Китаем не нашла понимания у японской стороны, которая в знак протеста в марте 1933г покидает Лигу Наций. При этом Япония продолжает оккупацию северных территорий Китая.

Японской агрессии пытается противостоять китайский генерал Фэн Юйсян, но все его попытки дать серьезный отпор проваливаются¹⁶¹.

Вопрос «марионеточности» Маньчжоу-Го остается открытым. Весной 1934 г. после коронации Пу И руководителями некоторых держав стали в обход резолюции Лиги Наций предприниматься попытки официального

---

¹⁵⁸ Там же. - С.158.

¹⁵⁹ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т. - М., 1975-1979. - Т.1. - С.320.

¹⁶⁰ Джагнева О. А.. Развитие российско-монгольских отношений: Основные направления, проблемы и перспективы(1921-2005гг) / Элиста, - 2006. - С.116.

¹⁶¹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - М., 1996. - С.159.

признания Маньчжоу-Го. Такие страны как Германия, Польша и США считали такой вариант развития данного вопроса приемлемым¹⁶².

В такой обстановке советское руководство пытается взять роль лидера по решению этой проблемы. Так, народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов предлагает И.В. Сталину заключить с США, Японией, Англией и СССР секретный договор о признании официально Маньчжоу-Го в «заранее определенных границах» суверенным государством при «условии отказа Японии от дальнейшей агрессии» и сохранении существующего порядка в дальневосточном регионе. После признания Маньчжоу-Го предполагалось подписание «тройственного пакта о ненападении между СССР, США и Японией». «Если нет возражений, - заключает М. Литвинов, - то я прозондировал бы через Буллита Рузвельта с тем, чтобы, в случае его согласия, он взял на себя инициативу выступления перед другими державами, а также в Женеве»¹⁶³.

В основу этих предложений легла тревога правительства СССР о сохранении МНР как независимого государства, и попытка пресечь дальнейшее «расползание» Маньчжоу-Го.

Советский вариант не заинтересовал США, превратив из тройственного процесса переговоров о ненападении в двусторонний (СССР - Япония). Японцы старались затягивать подписание каких-либо документов с правительством СССР, ссылались на советские заявления о «суверенном статусе МНР» и праве монгольского правительства «самому и по своему желанию поддерживать или разрывать» отношения¹⁶⁴. А с учетом роста японо-американских противоречий в тихоокеанском регионе к любым контактам СССР и США относились с глубоким подозрением¹⁶⁵.

¹⁶² Колмогоров В.Н. Деятельность КПСС и МНРП по формированию и укреплению советско-монгольского военно-политического сотрудничества в 1921-1945 гг. - М., 1984. - С.140.

¹⁶³ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925-1938 гг. // Анналы: ИВ РАН. - М., 1995. - С.179

¹⁶⁴ Там же. - С.180.

¹⁶⁵ АВП Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз // Азия и Африка сегодня. - 1995. - №- 12. - С12.

Летом 1934 г. Япония продолжает увеличивать контингент своих вооруженных сил непосредственно рядом с МНР. Активно продолжается строительство японцами современной военной инфраструктуры во Внутренней Монголии и насыщение территории Монголии своей шпионской агентурой¹⁶⁶.

Особое внимание советского руководства осенью 1934 г. привлекал вопрос о границе между МНР и Маньчжоу-Го. В связи с отсутствием четкой демаркации пограничной черты, правительство СССР отслеживало все случаи конфликтов на ней. В записке от 1 октября 1934 г. зам. наркома МИД Б.С. Стомонякова направленной в МНР поверенному в делах И.Я. Златкину в частности, говорилось о необходимости поднять вопрос границах МНР: «То обстоятельство, что посольство Японии в Москве заявило, что «МНР самовольно передвигает свои границы на Восток», говорит, что вопрос о границах МНР стоит в центре внимания японского военного командования. В связи с этим нам следует усилить бдительность монгольского правительства. Необходимо быть начеку к различным вариантам развития ситуации на дальневосточной границе»¹⁶⁷.

Так же советское руководство дало задачу по поднятию вопросов исторической и географической принадлежности границы. Из-за того, что веками эту территорию населяли кочующие племена могол, баргутов и др. народностей, исторически было сложно определить правильную демаркацию границы. Поэтому пограничная зона между МНР и Маньчжоу-Го становилась постоянным объектом столкновений пограничных воинских частей, а определить виновность этих стычек по вышеуказанным причинам было крайне сложно.

В новых политических реалиях, связанных с увеличением японской агрессии на Дальнем Востоке, правительство МНР несмотря на привлекательность панмонголистической идеи и этническое родство с

---

¹⁶⁶ Там же. - С14.

¹⁶⁷ История советско-монгольских отношений. - М.,1981. - С.139.

народностями, населяющими Внутреннюю Монголию, никак не могло идти на сотрудничество с маньчжурскими властями из-за непреодолимых идеологических разногласий. Единственная возможность сохранить свой суверенитет и независимость для МНР была в дальнейшем укреплении союза с СССР. Черты этого партнерства стали носить все более жесткий оборонный характер, направленный против внешних противников на международной сцене¹⁶⁸.

Несмотря на утрату романтических революционных идей 20-х гг. МНР и СССР продолжили путь по военному и экономическому сотрудничеству, направленному в первую очередь на поддержание своей государственной безопасности. В октябре - ноябре 1934 г. П. Гэндэн в Москве в ходе своего официального визита сделал предложение о заключении соглашения о военной помощи в случае нападения Японией на Монголию¹⁶⁹.

27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении джентльменского (устного) соглашения, предусматривавшего, в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, поддержку и оказание помощи, в том числе и военной.

В декабре того же года в Монголии между советскими и монгольскими представителями были подписаны: Соглашение об основах советско-монгольских смешанных обществ; Соглашение о временном расчетном курсе тугрика; Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах и др.¹⁷⁰

Эти документы логически дополнили и развили тот политический фундамент сотрудничества, основанный монгольско-советским договором 1929 г. и закрепили экономическими отношениями военно-политическую договоренность между странами. Логически завершало блок монгольско-

¹⁶⁸ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.160.

¹⁶⁹ Внешняя политика МНР в документах.- Улан-Батор, 1974.- С.231.

¹⁷⁰ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. Т.1-П. - М., 1975-1979. - Т.1.- С.299.

советских соглашений постановление ЦК МНРП от 11 декабря 1934 г. «О политической и экономической помощи СССР монгольскому народу»¹⁷¹.

В связи с усложняющейся обстановкой на пограничных территориях между МНР и Маньчжоу-Го в январе 1935 г. возобновляется переговорный процесс по вопросам о спорных территориях. Все это происходит на фоне усиливающихся военных конфликтов на границах между двумя странами.

Уже на первом раунде 3 июля 1935 г. монголо-маньчжурских переговоров совместная советско-монгольская делегация выработала общую стратегию переговоров. Особенность тактики монгольских и советских дипломатов заключалась в обсуждении конкретных пограничных стычках между монгольскими и маньчжурскими погранотрядами и недопущение более тесного общения с противоположной стороной. Вот какие указания давал монгольскому дипломату Ж.Самбу, который непосредственно вел переговоры на монгольско-маньчжурской конференции, советский полномочный представитель в МНР Х. Таиров «...недопустимо расширение переговоров в плане обсуждения перспектив в развитии отношений МНР и Маньчжоу-Го»¹⁷².

Переговоры велись весьма сложно, стороны никак не могли достичь компромиссных решений по созданию смешенной комиссии по разрешению вопросов пограничных конфликтов. Монгольско-советская сторона настаивала на одном составе будущей комиссии, японская - на другом.

25 ноября 1935 г., на 21 заседании Маньчжурская конференция прервала свою работу. Делегация Самбу покинула ст. Маньчжурия, выехав в Улан-Батор¹⁷³.

Советская и японская пресса дали сходную трактовку причин провала конференции. Так, газета «Манею Нициничи» писала: «Главной причиной разрыва конференции было расхождение во взглядах на цели

---

¹⁷¹ Там же. - С.300-301.

¹⁷² Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.170.

¹⁷³ Там же. - С.215.

конференции»¹⁷⁴. Советские газеты «Правда» и «Известия» отмечали, что «причиной разрыва переговоров явился категорический отказ монгольской стороны признать Маньчжоу-Го»¹⁷⁵.

Одновременно, провал 1-ой конференции означал углубление и дальнейшее развитие договоренностей СССР и МНР, зафиксированных в форме джентльменского соглашения от 27 ноября 1934 г. 3 января 1936 г. в советской прессе было опубликовано интервью П. Гэндэна, данное им на родине после возвращения из очередной поездки в СССР, в котором было подчеркнуто, что «монгольский народ... надеется на помощь СССР в трудную минуту»¹⁷⁶.

26 ноября 1935 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), было отмечено, что СССР, согласно устной договоренности с МНР, выступил гарантом безопасности МНР.

В конце 1935 г. на монгольско-маньчжурской границе вновь прокатилась череда вооруженных столкновений между пограничными отрядами МНР и Маньчжоу-Го. Только с 19 декабря по 30 января 1936 в этих пограничных конфликтах с той и др. стороны было убито свыше 100 солдат. В связи с гибелью монгольских пограничников в западной прессе отмечают попытки японцев воспользоваться «неопределенности монголо-маньчжурской границы» для дальнейшей эскалации напряженности. Так, английская «Дэйли Телеграф» замечала, что «любая серьезная попытка японцев отбросить монголов из спорных районов может вызвать войну»¹⁷⁷.

Проблемы монголо-маньчжурских отношений все больше завязываются на советско-японских противоречиях. В декабре 1935 г. в ходе беседы между совпредом в Японии К. Юрьевым и членом японского правительства виконтом Иноуэ, последний заявил, что «монгольский вопрос..., не может считаться снятым с повестки дня. Японское

---

¹⁷⁴ Там же. - С.222-223.

¹⁷⁵ Там же. - С.225.

¹⁷⁶ Там же. - С.226.

¹⁷⁷ Там же. - С.225.

правительство будет и впредь добиваться установления дипломатического контакта с МНР»¹⁷⁸.

В другой встрече К. Юренева с японским дипломатом Сидэхарой в начале 1936 г. на вопрос о причинах срыва маньчжурско-монгольской конференции советский посол уклончиво ответил: «Нельзя требовать от стран дипломатических отношений, если они их не хотят. В случае, если бы командование Квантунской армии отказалось от политики террора в отношении МНР, то... не исключено, что Внешняя Монголия согласилась бы на установление нормальных отношений с Японией»¹⁷⁹.

В феврале 1936 г. заместитель наркома Б. Стомоняков сделал заявление японскому послу в СССР, в котором говорилось, что в случае нападения Японии на Внешнюю Монголию Советский Союз окажет необходимую, в том числе и военную, поддержку правительству и народу МНР¹⁸⁰.

Все усилия советской дипломатии на Дальнем Востоке в этот период были направлены на сглаживание обострения конфликта между СССР и Японией. Советский Союз использовал это время на усиление военно-экономического потенциала МНР, создания в пограничных зонах Внешней Монголии и Маньчжоу-Го задуманных оборонительных сооружений.

Продолжаются попытки советского правительства найти точные картограммы спорных территорий МНР с Маньчжоу-Го, которые могли провести точную пограничную демаркационную черту.

Советские отношения с Китаем по монгольскому вопросу под влиянием возросшей японской угрозы претерпели сильные изменения. Советское правительство всеми силами стремилось не допустить сговора между Китаем и Японией, и создание политического альянса против МНР и СССР. В свою же очередь руководство Советского Союза первостепенной задачей ставило создание совместного антияпонского союза в Китае¹⁸¹.

---

¹⁷⁸ Там же. - С.226.

¹⁷⁹ Там же. - С.227.

¹⁸⁰ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза на Востоке. 1935-1937. - М., 1980 - С.118.

¹⁸¹ Там же. - С.117.

1 марта состоялась известная в истории беседа И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скрипе Говард Ньюс пейперс» Роем Говардом, в ходе которой он сказал, что «если Япония решится напасть на МНР, нам придется помочь МНР»¹⁸².

14 марта 1936 г. в Улан-Баторе состоялось подписание Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР¹⁸³. Со стороны правительства МНР протокол подписали председатель Малого В. Х. Хурала А. Амор и премьер-министр И.П. Гэндэн, со стороны СССР - полпред Таиров. Заявление В.Х. Таирова, сделанное вскоре после подписания А. Амору, о том, что текст Протокола будет опубликован, вызвало в монгольских политических кругах большое одобрение. Подобный шаг подтверждал однозначность советской позиции в поддержку своего союзника. Вместе с тем Протокол 14 марта 1936 г. вскрыл и ряд старых проблем, связанных с официальным статусом Внешней Монголии (МНР) в советско-китайских отношениях¹⁸⁴.

В связи с подписанием Протокола МИД Китая 7 апреля 1936 г. заявило советскому правительству решительный протест. В ноте, в частности, говорилось: «Поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-либо договора или соглашения. Поэтому я, (министр иностранных дел) обязан заявить Вашему правительству, что Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол, и никоим образом им не связано»¹⁸⁵.

В ответной ноте от 8 апреля 1936 г. народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов заявил: «Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи, ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. СССР, подписывая протокол

¹⁸² Правда, 5 марта 1936 г.

¹⁸³ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. - М., 1975-1979. - Т.1.-С.314.

¹⁸⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.229.

¹⁸⁵ Там же. - С.235.

о взаимной помощи, исходил из того, что заключенное советско-китайское соглашение в 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу. Советское правительство настоящим вновь подтверждает, что означенное соглашение, поскольку это относится к Советскому Союзу, сохраняет свою силу и в дальнейшем»¹⁸⁶.

Дальнейший дипломатический процесс обмена нотами между СССР и Китаем никак не мог повлиять на положение МНР в мировом сообществе. СССР подтвердил суверенный статус Внешней Монголии де-факто, хотя по-прежнему де-юре признания еще не было¹⁸⁷.

Китай, в связи с японской агрессией на Дальнем Востоке, никак не мог уже с 30-х гг. сохранить в своем составе Внешнюю Монголию. Ссылка Китая на советско-китайский договор от 1924 г. позволяла ему лишь надеяться на какие-либо политические изменения международной ситуации в будущем, а Советскому Союзу продолжить решать свои задачи в МНР, без излишней конфронтации с китайской стороной¹⁸⁸.

Что касается монголо-маньчжурских отношений и на их фоне – советско-японских, то они после очередного военного пограничного столкновения, вновь вышли на первоначальный уровень обсуждения о создании пограничных комиссий. Однако теперь внешнеполитические действия советской и японской сторон перестали быть «закулисными», принимая все более открытый характер.

Таким образом, в 1932-1936 гг. произошло окончательное оформление военно-политического и экономического союза МНР и СССР, целью которого обозначалось противостояние империалистической Японии в дальневосточном регионе.

Подписание Протокола о взаимопомощи от 14 марта 1936 г. явился одним из самых важных договоров, укрепившим союзнические отношения между двумя странами. Этот союз базировался на общности идеологических

---

¹⁸⁶ Там же. - С.236.

¹⁸⁷ Каткова З.Д. Внешняя политика правительства Китая. 1927-1945. - М., 1978. - С 175.

¹⁸⁸ Там же. - С.237.

интересов и государственных национальных задач между Внешней Монголией и Советским Союзом.

Система международных отношений, сложившаяся вокруг МНР в 20-е, 30-е годы, эволюционировала в сложнейших международных условиях, формировалась путем сплава множества интересов различных политических сил и группировок: Коминтерна и МНРП, Гоминьдана и КПК, японской и китайской политики и т.д. Итогом этого, в 30-е гг. на Дальнем Востоке сформировалась совершенно новая политическая международная система - МНР-СССР-Китай-Маньчжоу-Го-Япония.

Эта структура отличалась крайней политической нестабильностью и во многом характеризовалась советско-японскими и японско-китайскими противоречиями. Эти противоречия все больше принимали неразрешимый характер, и их военное разрешение принимало в будущем все более обозримые черты. Военные конфликты с «малой кровью» на границах МНР и Маньчжоу-Го все больше грозили перерасти в крупномасштабную военную акцию, которая обретала все более реальную форму, особенно учитывая степень агрессивности внешней политики Японии в тот период и настоящее положение вещей к 1936 г. в международной политической ситуации.

ГЛАВА 3. АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МОНГОЛИИ И СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Активизация сотрудничества МНР и СССР в середине 30-х гг.

Международная обстановка, сложившаяся к середине 30-х гг. оставалась крайне сложной. 7 июля 1937 г. Япония напала на Китай. Критика милитаристических действий Японии со стороны СССР и западных государств, была полностью проигнорирована японской стороной. Осуждение японской агрессии другими странами не возымели на японское правительство должного результата.

21 августа 1937 г. был подписан договор о ненападении между СССР и Китаем. В нем было оговорено условие, что при нападении на одну из стран какой-либо третьей державой, то ей не будет оказываться никакой поддержки другой стороной¹⁸⁹.

В Лиге Наций на Брюссельской конференции (ноябрь 1937 г.) был рассмотрен вопрос о японской агрессии против Китая. Единогласным решением Лиги Наций было рекомендовано всем государствам, входящими в ее состав осудить любые действия Японии и др. стран, направленные против Китая.

Во внешней политике МНР так и оставался нерешенным вопрос по урегулированию пограничных отношений с Маньчжоу-Го. Для этого после провала первой Маньчжурской конференции в 1935 г. началась подготовка ко второй, которая также сразу обнажила весь клубок неразрешимых противоречий между СССР и МНР с одной стороны и Японией и Маньчжоу-Го с другой.

---

¹⁸⁹ Капица М. С, Коваленко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе. - М., 1965. - С. 92.

В начале декабря 1936 г. были назначены новые руководители делегации МНР, с которыми советским правительством была проведена обстоятельная беседа, прояснившая позиции и цели как монгольской, так и советской стороной. В разговоре зам. НКВД СССР Б.С. Стомонякова с членами монгольской делегации был выработан единый план и тактика монгольско-советской стороны в будущих монголо-маньчжурских переговорах. В частности, он отметил: «Японцы хотят использовать переговоры для проникновения в МНР. На 1-ом месте они поставили вопрос о проверке границы, на 2-ом - о комиссиях по пограничным конфликтам... Они попытаются протащить требование, которое является основным - определить границы МНР и Маньчжоу-Го заново. Нам же следует вести речь только о границах, которые уже были обозначены при маньчжурах»¹⁹⁰.

Фоном готовящейся конференции послужил определенный провал замыслов японского правительства во Внутренней Монголии. Там из-за недальновидных действий японского руководства, а именно расстрела влиятельного монгольского князя в Л. Шеня, произошел «взрыв» антияпонских настроений среди местного населения, в том числе и тех, кто первоначально был настроен к японцам вполне дружественно. Поэтому попытки японского правительства во Внутренней Монголии организовать по типу Маньчжоу-Го государственное образование «Менгу-Го» окончательно потерпели крах»¹⁹¹.

МНР в этот период времени продолжала оставаться в условиях политической и дипломатической изоляции от других, кроме СССР, стран. Объяснялось это, с одной стороны, неопределенным статусом самой МНР, а с другой, острой международной обстановкой, сложившейся на южных и восточных рубежах Монголии. Последний фактор способствовал проведению Советским Союзом политики полной внешнеполитической изоляции МНР от любого политического влияния других стран. Так, в конце

¹⁹⁰ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.245.

¹⁹¹ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза на Востоке. 1935-1937. - М., 1980. - С.117.

1936 г. на запрос английского посольства в НКВД СССР, возможен ли заезд в МНР британского генконсула, был дан отрицательный ответ.

В ответе НКВД говорилось: «Советское правительство отклоняет принятие обращений к нему как к посреднической стороне в отношении правительства МНР, «которому все могут обращаться непосредственно»¹⁹². Одновременно монгольскому послу было отправлена рекомендация «не предоставлять визы,... чтобы не создавать прецедента, на который могли бы ссылаться потом те же самые японцы», при аналогичных просьбах¹⁹³.

Несмотря на активную подготовку к Маньчжурской конференции правительствами МНР и СССР не прекращались переговоры по другим различным политическим и экономическим вопросам. Так в декабре 1936 г. - январе 1937 г Москву посетил премьер-министр МНР А. Амор. В ходе его визита, были обсуждены такие важные вопросы как гражданство бурят в МНР, укрепление обороноспособности страны, проблем скотозаготовок, кредитования промышленной отрасли и т.д.

В январе 1937 г. в Советском Союзе и Внешней Монголии идет окончательная доработка обсуждений пунктов договора на предстоящей Маньчжурской конференции. Для монгольской стороны разрабатывается подробная инструкция НКВД. В ней, в частности: «Стороны решают провести «точное описание» (границы). Это не есть проведение границы заново. Нужно показать «маньчурам, что речь идет о демаркации старой границы, а не о проведении новой»¹⁹⁴.

Активная дипломатическая переписка того времени между правительствами МНР и Маньчжоу-Го посвящается в основном неутрачивающим пограничным столкновениям между двумя странами.

17 марта 1937 г. министр МИДа Маньчжоу-Го Ч. Иен направил премьер-министру МНР А. Амору следующую депешу: «Конференция должна возобновиться без каких-либо предварительных условий. Я хочу

¹⁹² Захарова К.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. - М., 1990. - С.152.

¹⁹³ Там же. - С.153.

¹⁹⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.251.

заявить, что подобная политика затягивания данного вопроса с Вашей стороны может привести лишь к ухудшению отношений. Предлагаем начать наши переговоры как можно скорее»¹⁹⁵.

26 мая 1937 г. после полуторогодового перерыва Маньчжурская конференция возобновила свою работу. Монгольскую делегацию возглавил Самбу, маньчжурскую - Урджин-Гармаев.

Однако, уже 1 июня 1937 г. конференция из-за ссылок маньчжурской делегации, на болезнь Урджин-Гармаева, прерывается на две недели. Наступил очередной кризис в переговорах.

Советское руководство было недовольно работой монгольских дипломатов. Сказывалась неопытность делегации из МНР, члены которой были приучены работать несамостоятельно, а только по инструкциям советского руководства. Монгольские представители часто терялись в нештатных ситуациях. Так, в донесении Б. С. Стомонякову от 2 июня 1937 г. В.Х. Таиров пишет: «Несмотря на весь предоставленный инструктаж, монгольская делегация не может вести себя должным образом, каждый раз, когда встает какой-либо вопрос, не предусмотренный дословно в тех инструкциях, которые получил Самбу»¹⁹⁶.

26 июля 1937 г. монгольская делегация под руководством Самбу вновь прибывает в Маньчжурию для дальнейшего ведения конференции.

9 августа 1937 г. на 25 заседании переговоры сдвинулись с мертвой точки. Однако, затем наступил очередной глубокий кризис в переговорных процессах, и это послужило хорошим предлогом для обеих сторон прекратить переговоры. После окончания маньчжурской конференции на ее 34 заседании стороны МНР и Японии предъявили обоюдные обвинения в ее преднамеренном срыве.¹⁹⁷

Итог Маньчжурской конференции был предопределен и закономерен. Монгольско-советская сторона не могла найти точки взаимодействия с

¹⁹⁵ Амор А. Краткая история Монголии (1919-1936г). - М., 2008. - С.142.

¹⁹⁶ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.251

¹⁹⁷ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза на Востоке. - М., 1980. - С.122.

японско-маньчжурской. В той международной политической обстановке достичь настоящих компромиссов было нельзя, а демонстрация готовности обсуждать пограничные конфликты была всего лишь политической «игрой». Каждая из сторон, фактически уже давно, начала подготовку к войне»¹⁹⁸.

Точную оценку ситуации дал британский исследователь Е. Карр, отметивший, что «СССР приобрел во Внешней Монголии аванпост, подобный тому, который был создан Японией в Маньчжоу-Го, хотя надо отметить тот факт, что советский надзор за администрацией подконтрольного правительства МНР был гораздо менее прямой, чем японский в Маньчжоу-Го»¹⁹⁹.

Таким образом, оценивая позицию Советского Союза и МНР на переговорах в Маньчжурии, нужно отметить тот факт, что ее проведение диктовалось для монгольско-советской стороны желанием как можно дольше избежать открытого вооруженного противостояния СССР и Японии, и не допустить мирного японского проникновения во Внешнюю Монголию. Тактика же японско-маньчжурского правительства была направлена на простое затягивание переговоров, ставя заведомо неприемлемые условия для разрешения вопросов советской стороне и тем самым разжигая дальнейшую напряженность в переговорном процессе²⁰⁰.

Подготовка, в середине 30-х гг. к возможным военным действиям для МНР, явилась одной из основополагающих задач в ее внутренней и внешней политике. Так, еще в январе 1936 г. по просьбе правительства МНР Советский Союз ввел войска на ее территорию на постоянной основе.

Части вооруженных сил СССР размещались в основном на восточных и юго-восточных границах МНР. Советское руководство продолжало

¹⁹⁸ Захарова К.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. - М., 1990. - С.163.

¹⁹⁹ Carr E.H. International Relations Between the two world wars. 1919-1939. London, 1948. - P.247.

²⁰⁰ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.251.

вкладывать значительные денежные средства в переоснащение монгольской армии. Так, в 1935 г. они составили 6 млн., а в 1936 г. - 8 млн. рублей²⁰¹.

Проблемы национальной безопасности МНР в 30-е гг. XX века поднимались регулярно во время различных монгольско-советских переговорах (в ходе визита премьер-министра МНР А. Амора летом 1936 г. в СССР, в процессе переговоров министра торговли и промышленности Мендээ с советским руководством в сентябре 1937 г. и т.д.)²⁰².

Однако попытки, нового полпреда СССР в МНР С.М. Миронова в октябре 1937 г. утвердить новый проект государственного бюджета, где ссылаясь на нужды в оборонном комплексе были резко увеличены налоги с лам (с 7 до 13 млн. тугриков.) и аратства (с 1 до 2 млн. тугриков), были встречены «в штыки» премьер-министром А. Амором²⁰³. В частности, он сказал следующее: «Ваши предложения - это левацкий загиб, это все равно, что Чойбалсан арестовывает сотни невиновных лам и аратов, а Вы еще обложить хотите их таким налогом?! Где ламы возьмут такое количество денег? Мы и так их расстреливаем, выгоняем из монастырей, они нищенствуют, джасов уже почти нет, верхушки лам ликвидированы, а увеличение аратского налога сделает вообще нерентабельным скотоводческое хозяйство»²⁰⁴.

Такая реакция А. Амора говорит о том, что в монгольском руководстве страны, продолжали оставаться элементы политической независимости, и не существовало беспрекословного подчинения любым распоряжениям советского правительства, как это часто преподносилось западными исследователями.

В 1937-1938 гг. Советский Союз реализует масштабную программу экономической помощи МНР. В программу входило строительство кирпичного, известкового, цементного, и др. заводов. В этот период

²⁰¹ Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития //VI Международный конгресс монголоведов. Т.1. - М., 1992. -С. 49.

²⁰² Там же.-С.52.

²⁰³ Амор А. Краткая история Монголии (1919-1936г). - М., 2008.-С.165.

²⁰⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.253.

реализуются различные научно-изыскательные проекты, идет строительство железных дорог, разрабатываются новые месторождения угля и сланца.

В течение 1937-1938 гг. совместными усилиями монгольской и советской сторон были решены такие вопросы как: решение кадровых вопросов (подготовка монгольских специалистов СССР и увеличение роста количества советских инженерных кадров в МНР), валютная поддержка Монгольского банка и т.д. Размер советских дотаций Монголии, не считая кредитования по промышленным объектам, которые шли отдельной статьей, составил в 1938 г. 10 млн. тугриков²⁰⁵.

Надо понимать, что экономическая поддержка Советским Союзом не была только идеологическим актом. Создание современной промышленной инфраструктуры в МНР полностью входило в сталинскую программу создания мощной и эффективной системы безопасности на Дальнем Востоке, в которой Внешней Монголии было предназначено стать центральным «звеном». В этом контексте СССР нужна была модернизированная МНР с современной армией, жизнеспособной индустрией и рентабельным сельским хозяйством.

Для большей эффективности исполнения своих внешнеполитических задач в дальневосточном регионе, советское руководство ужесточило контроль за внутривнутриполитической борьбой в МНР. После отставки в марте 1936. П. Гэндэна, советское полпредство стало фактически выполнять роль политического инструктора при ЦК МНРП²⁰⁶.

26 сентября 1937 г. при необычных обстоятельствах, в ходе поездки по СССР, скончался министр обороны МНР, маршал Демид. Как установила медицинская экспертиза, назначенная следственной комиссией, смерть монгольского маршала наступила «в результате... действия отравляющего вещества», оказавшегося в еде²⁰⁷.

---

²⁰⁵ Там же. - С.263.

²⁰⁶ Там же - С.265.

²⁰⁷ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. - Т.1-2. - М., 1992.-С.150.

С 1937 г. СССР начинает активную политику по разрешению вопросов «малых этносов» на Дальнем Востоке. Так, в этот период времени, монгольским правительством активно поддерживается политика бурятофобии в МНР. Х. Чойбалсан, объявляет бурят, баргутов и китайцев, проживающих на территории Внешней Монголии потенциальными врагами и союзниками «японского империализма»²⁰⁸.

Подобный поворот монгольского руководства помогает решить бурятскую проблему в самом Советском Союзе, ослабив панмонгольскую идею, проживающих там бурят.

26 сентября 1937 г. вышло постановление СССР об изменении административной структуры Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР)²⁰⁹ и передаче в ведение Иркутской и Читинской областей почти половины территорий республики. Подобное политическое решение было вызвано не только попыткой решения народно-хозяйственных задач, но и желанием окончательно сломить панмонгольскую идею бурятского населения интегрироваться с монголами²¹⁰.

Одновременно бурятский панмонголизм никак не вписывался в программу сталинского строительства национальной политики СССР. Поэтому административная реформа БМАССР проходила на фоне развернувшихся жесточайших репрессий и бурятского партийно-государственного руководства и интеллектуальной элиты²¹¹.

В середине 30-х годов новую окраску в монгольско-советских отношениях получил вопрос о Туве. В апреле 1937 г. монгольское правительство ставит перед правительствами Тувы и СССР под сомнение соглашения 1932 г. о границах МНР и Тувой, а также возвращении Внешней Монголии «исконно монгольских земель», в частности, Соляной горы. Само соглашение монгольским руководством характеризуется, как

²⁰⁸ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.219.

²⁰⁹ До 1958 г. название Бурят-Монгольская АССР оставалось, после - Бурятская АССР.

²¹⁰ Курас Л. О переходе бурят в Монголию // Байкал. - Улан-Удэ, 1991. - С.80.

²¹¹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.219.

«несправедливое», заключенное под давлением СССР. После небольшого обсуждения между тувинским и монгольским правительствами, обе стороны решили обратиться к посредничеству советского правительства. Позиция последней была однозначной и определенной. В сообщении полпреду в МНР В.Х. Таирову из НКВД от 20 мая 1937 г. говорилось: «У монгол нет никаких оснований ставить перед тувинцами вопрос о пересмотре пограничного соглашения 1932 г. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что данное соглашение удачно размежевало интересы сторон и Соляная гора монголам, в сущности, не нужна. Мы просим товарища Малкова (представитель СССР в Туве) рекомендовать тувинцам не идти на пересмотр соглашения»²¹². Вскоре состоялась беседа В.Х. Таирова и А. Амора, в ходе которой последний обещал «не поднимать... больше этого вопроса»²¹³.

Центральной проблемой советско-монгольских отношений в 30-е гг., кроме экономических и региональных, было внутривластное развитие МНР. От стабильности данных отношений зависела в целом вся стратегия национальной безопасности Советского Союза на дальневосточном регионе»²¹⁴.

Усиление диктатуры и культа личности Х. Чойбалсана (по аналогии со сталинской моделью) был наилучшим вариантом для высшего руководства СССР. Внешняя Монголия «по Чойлбалсану» была близка советской стороне не только личностными симпатиями вождей, но и однотипностью внутренних структур власти, единством стратегии и тактики национальной безопасности. Можно сказать, что культ И. Сталина явился прообразом диктатуры Х. Чойбалсана. При этом премьер-министр А. Амор - лидер национально-демократических сил МНРП (как С. Данзан, Ц. Дамбадорж и др.), не вписывался в эту стратегию. Его самостоятельная позиция вызывала настороженность в Москве, и там не было полной уверенности в его верности советской ориентации. Однако, до 1938 г. Советское правительство

²¹² Там же. - С.254.

²¹³ История Тувы. - М., 1965. - Т.2. - С.174.

²¹⁴ Амор А. Краткая история Монголии (1919-1936г). - М., 2008. - С.188.

через своих дипломатов в МНР держало курс на сохранение «баланса» сил между Х. Чойбалсаном и А. Амором, считая возвышение первого тактически несвоевременным²¹⁵.

Одним из первых, кто поставил вопрос об отстранении А. Амора и единоличном усилении диктатуры Х. Чойбалсана был полномочный представитель в МНР А. Голубчик, сменивший С. Миронова летом 1938 г. Аргументы Голубчика в секретной депеше на имя наркома М.М. Литвинова имели классовый характер - панмонголизм Амора, его враждебность делу социализма²¹⁶.

7 сентября 1938 г. военный министр и министр иностранных дел, маршал Х. Чойбалсан прибыл в Москву. Переговоры, в основе которых лежали общеэкономические проблемы (о строительстве авторемонтного и кирпичного заводов в МНР, о долгосрочных кредитах, о расширении экспортно-импортных операций между МНР и СССР, об оказании МНР широкой медицинской помощи др.) начались 8 сентября²¹⁷.

Помимо самого переговорного процесса Х. Чойбалсан настаивал на приеме его Сталиным, Молотовым и др. членами высшего руководства СССР. Его намерением было заручиться поддержкой «высшего эшелона власти» Советского Союза для утверждения своих людей на ряде ключевых должностей, а также одобрения его кандидатуры на пост единоличного лидера МНР²¹⁸.

Советскими дипломатами, работавшими непосредственно в МНР и знакомыми с монгольскими нюансами внутривластной борьбы при обсуждении дальнейшей политической судьбы Амора и Чойбалсана, высказывались точки зрения о сохранении «двоевластия» в руководстве МНРП. Так в письме полпреда С.Н. Миронова на имя заместителя НКВД В.П. Потемкина от 8 октября 1938 г., говорилось: «Внешнеполитическая

²¹⁵ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск-Москва, 1996. - С.300.

²¹⁶ Шепелев В. «Монгольский вопрос» на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. - М., 1996. - С. 69.

²¹⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск-Москва, 1996. - С.301.

²¹⁸ Там же. - С.303-304.

направленность Чойбалсана на СССР не вызывает сомнений... Но при всем этом достаточно реальна опасность, что он скатится на «левые» позиции. Лично он, в противовес Амору, который связан со своей классовой базой (аратство и интеллигенция), совершенно оторван от партии и народных масс... Поэтому снятие Амора считаю нецелесообразным»²¹⁹.

Однако Х. Чойбалсан, заручившись поддержкой более высокого руководства СССР, а именно одобрением И. Сталина и Л. Берии, получил «гранд бланш» на выведение А. Амора из состава МНРП и с сосредоточением на себе всех основных руководящих постов министерств внутренних дел, военного и иностранных дел.»²²⁰.

Последующие события развивались точно по намеченному плану маршала Х. Чойбалсана и советского руководства. 7 марта 1939 г., накануне очередной 22 сессии Малого Хурала некоторые члены ЦК МНРП выступили с обвинениями против А. Амора, называя его «феодалом, пролезшего в монгольское руководство, развалившего партию и правительство»²²¹. Было принято единогласное решение о выводе Амора из состава ЦК и исключении его из партии. В 16 часов 30 мин. в тот же день открылась 22-ая сессия Малого Хурала. Вначале выступил Х.Чойбалсан, который внес предложение о снятии А. Амора с поста премьер-министра. Вечером 7 марта было принято развернутое постановление сессии о «контрреволюционной деятельности Амора», а после закрытия заседания он был арестован²²². Новым премьер-министром был утвержден Х.Чойбалсан с сохранением должностей министра иностранных дел и военного министра²²³.

Кадровые перестановки в МНР происходили на фоне существенных изменений в организационных структурах в Москве. 17 марта 1939 г. была ликвидирована Монгольская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б), выполнявшая функции главного координатора и исполнителя советской

²¹⁹ Там же. - С.304.

²²⁰ Там же. - С.306.

²²¹ Там же - С.309.

²²² Там же. - С.310.

²²³ Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. - М., 1975-1979. - Т.1. - С.169.

политики в Монголии. Отныне решение вопросов, связанных с МНР, передавались в различные ведомства и министерства в зависимости от их характера²²⁴.

Монгольско-советское политическое и экономическое объединение проходило в условиях дальнейшего усиления японской агрессии. Провал маньчжурской конференции выдвигал на повестку дня главный вопрос о сроках и конкретном месте будущих военных действий. Последние, по мнению советского командного состава, должны были развернуться в восточных районах МНР в районе монголо-маньчжурских пограничных соприкосновений, где военные столкновения между монгольскими и маньчжурскими солдатами происходили с регулярной периодичностью²²⁵.

На раскладку внешнеполитических сил на Дальнем Востоке также оказывал Китай, чья политика по отношению к Японии претерпела значительные метаморфозы: от попыток мирного проведения согласительных комиссий, до создания совместно с СССР единого антияпонского фронта. Так, в декабре 1937 г., Чан Кайши для того чтобы переключить японское внимание на советское направление, назвал СССР «единственным и верным союзником Китая в войне с Японией»²²⁶.

Крах Маньчжурской конференции свидетельствовал о завершении дипломатического «спектакля» и монголо-маньчжурских «игр». Из «политической тени» на главную сцену вышли настоящие участники - СССР и Япония. В связи с этим главным приоритетным направлением вектора внешней политики МНР продолжал оставаться курс на укрепление тесного военно-политического, идеологического и экономического сотрудничества с Советским Союзом.

²²⁴ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.313.

²²⁵ Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз // Азия и Африка сегодня. - 1995. - № 12 - С.31.

²²⁶ Там же. - С.32.

3.2. Усиление экономического и военно-технического взаимодействия Монголии и СССР накануне и в годы Второй мировой войны

Советско-монгольские отношения накануне Второй мировой войны обнажили наиболее острые проблемы взаимной безопасности МНР и СССР на Дальнем Востоке

Характеристика военно-дипломатической обстановки накануне Халхин-гола определялась сразу несколькими моментами: во-первых, в основе причины конфликта являлось желание Японии заполучить необходимый плацдарм рядом с границами СССР; во-вторых, в рамках реализации японской программы создания «конфедерации азиатских народов» под предводительством империалистической Японии; в-третьих, стремлением Японии как можно эффективно повлиять на завершение войны в Китае; в-четвертых, попыткой Японии взять реванш за поражение в пограничном столкновении от СССР у озера Хасан в 1938 г.; в-пятых, победоносная война нужна была японскому правительству и для прекращения мощного антияпонского движения во Внутренней Монголии; в-шестых обуславливалась самой пограничной проблемой между МНР и Маньчжоу-Го²²⁷.

Японское правительство очень сильно раздражала растущая военная помощь Советского Союза Китаю. Создание при непосредственной помощи СССР совместного антияпонского фронта КПК и Гоминьдана против империалистической Японии крайне тревожили правительство последней. Успешный исход военных действий на Халхин-голе неминуемо повлек бы к катастрофическим последствиям для Китая²²⁸. Как заявил в марте 1939 г.

²²⁷ Вартаков В.Н. Влияние событий на Халхин-голе в 1939 г. на военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке // 70 лет Монгольской Народной Революции. - 1992. - № 1. - С. 53

²²⁸ Гаврилов В.А. Японский фактор ю Второй мировой войне: новый взгляд через 50 лет // 50-летие Великой победы на Востоке. - М., 1996. - С.65.

министр иностранных дел Японии Мацуока о возможной победе Японии над СССР и МНР в зреющем пограничном конфликте: «Она (победа) сможет оказать воздействие на Чан Кайши, что приведет к окончательному миру²²⁹.»

К лету 1939 г., в связи с возрастающей угрозой со стороны Японии, контингент советских войск, дислоцируемый на Дальнем Востоке, значительно вырос. В него входили различные воинские объединения сухопутных и морских сил СССР. Также произошло значительное усиление 57-го особого корпуса Забайкальского военного округа дислоцировавшегося на территории МНР²³⁰.

В Маньчжоу-Го непосредственно рядом с границами МНР японцы создали укрепленные военные пункты. Японское командование произвело техническое переоснащение всех своих дивизий. Накануне событий на реке Халхин-Гол, численность вооруженных сил Японии на границе соприкосновения с МНР возросла в несколько раз и составила около 40 тыс. войск, 130 танков и 230 самолетов, что превосходило силы монгольско-советских войск, размещенных непосредственно рядом с Внешней Монголией, и давало руководству японского штаба надеяться на удачный исход конфронтации²³¹.

Надо отметить, что будущей победой в вооруженном конфликте с Советским Союзом японцы стремились полностью решить вопрос объединения Внешней и Внутренней Монголий под своим управлением.

Для осуществления своих планов японское правительство решило воспользоваться тем обстоятельством, что окончательной демаркации пограничных зон между МНР и Маньчжоу-Го не произошло, а территория около реки Халхин-гола попадала в разряд «спорных».²³²

²²⁹ Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз // Азия и Африка сегодня. - 1995. - № 12. - С.33.

²³⁰ Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937-1941) // Советская внешняя политика. 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. - М., 1992. - С.261.

²³¹ Вартаков В.Н. Влияние событий на Халхин-голе в 1939 г. на военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке // 70 лет МНР. - 1992. - № 1. - С. 53

²³² Дылыков С.Д. О партизанском движении в Маньчжурии и Внутренней Монголии в период господства реакционных режимов Пу И и Дэ-Вана. - М., 1984. - С.114-115.

11 мая 1939 г. японские части неожиданно напали на заставы монгольской Народной армии восточнее реки Халхин-Гол. Монгольские царики вынуждены были отойти к реке²³³.

В первых числах июня туда был направлен заместитель командующего войсками Белорусского военного округа комдив Г. К. Жуков с задачей разобраться в обстановке на месте, принять неотложные меры. Оценив обстановку в целом, он пришел к выводу, что «теми силами, которыми располагал 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно...»²³⁴.

По его распоряжению на помощь монгольско-советским войскам прибыли части 1-й и 2-й отдельных Краснознаменных армий. Для решения численного превосходства японцами в небе, наблюдавшегося в первые дни вооруженного конфликта, монгольско-советские войска были срочно пополнены новыми эскадрильями с опытными летчиками, среди которых было более 20 героев Советского Союза²³⁵.

20 июня командование японской Квантунской армией отдало приказ о наступлении японо-маньчжурских войск в районе Халхин-Гола. Японские войска перешли в наступление. Час испытаний для монгольских и советских солдат пробил. Наступил момент истины, который должен был показать крепость военной спайки между МНР и СССР; какие плоды военного сотрудничества принес монгольско-советский союз, длившийся с начала 20-х до конца 30-х гг.

В этих сложных условиях советское командование предотвратило все попытки японцев навязать свою инициативу. А вовремя проведенная перестановка сил, дала советскому штабу возможность успешно решать задачи по противодействию японским войскам.

²³³ Шишкин С.Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол в 1939 г. - М., 1979. - С.47-48.

²³⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. - Т. 1. - М., 1990. - С.104.

²³⁵ Севостьянов, Г.Н. Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол / Г.Н. Севостьянов // Вопросы истории. - 1957. - № 8. - С.63-64.

Замысел советского генералитета был вначале сковать основные силы японцев, а затем неожиданным ударом с флангов разгромить их.

Этот план с успехом был исполнен советским командованием в течение нескольких месяцев. Большая часть Квантунской армии, попав в окружение и, несмотря на отчаянное сопротивление, была разбита. Монгольско-советские войска не дали пробиться к окруженным японцам свежих дивизий, заставив их окончательно отступить за маньчжурскую границу.

Последние очаги сопротивления японцев были сломлены в самом конце августа. Японское командование было вынуждено признать свое полное поражение, как на земле, так и в воздухе²³⁶.

16 сентября японское правительство попросило правительство СССР о прекращении всех военных действий. Потери японцев под Халхин-Голом были огромны: только убитых солдат Квантунской армии насчитывалось более 60 тыс., а японская военная техника почти вся была выведена из строя или стала трофеями монгольско-советских войск. Командование Квантунской армии в полном составе ушло в отставку²³⁷.

Но главным итогом событий на реке Халхин-Гол явилось моральное поражение японцев, вынужденных теперь в будущем отказаться от военных необдуманных решений в отношении политики с СССР. Как считают многие историки, именно столь сокрушительный провал японских военных планов в 1939 г. заставил японское правительство, даже под настойчивыми убеждениями немцев, не начинать активные военные действия против Советского Союза на Дальнем Востоке в 1941г.²³⁸

---

²³⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911-1946. - М. - 2008. - Ч. I. - С.349 - 350.

²³⁷ Кошкин А.А. Как готовился Халхин-Гол. // Новая и новейшая история. - 1989. - № 4.-С.71.

²³⁸ Капица М.С. Дружба, завоеванная в борьбе. - М., 1970. - С.129-130.

Поражение Японии и Маньчжоу-Го на Халхин-Голе (середина мая - 16 сентября 1939 г.) заставило сесть противоборствующие стороны за стол переговоров²³⁹

В результате встречи в СССР наркома иностранных дел В.М. Молотова и посла Японии Того, был подписан протокол между Советским Союзом и Японией, в котором был зафиксирован процесс прекращения всех военных действий.²⁴⁰

Победа на Халхин-Голе полностью подтвердила эффективность монгольско-советского военно-политического союза и его стратегии национальной безопасности в дальневосточном регионе. Поражение Японии обозначило установление на определенное время баланса сил в дальневосточном регионе между МНР/СССР и Маньчжоу-Го/Японией²⁴¹.

В июле 1939 г. ситуация вокруг Китая обострилась из-за подписания англо-японского договора (Арита - Крейги), в котором Британия гарантировала не вмешательство в японско-китайские дела. Подписанный в августе этого же года Пакт о ненападении между СССР и Германией косвенно оказал влияние и на дальневосточную международную политику: Япония начала искать различные пути для подписания подобного соглашения с Советским Союзом, чтобы окончательно «развязать себе руки» для продолжения своей экспансии против Китая²⁴².

МНР, в отличие от Китая, благодаря тесному сотрудничеству с СССР и после оказанной открытой военной поддержки в мае-сентябре 1939 г., находилась гораздо более в благоприятной международной обстановке. Переговоры Советского Союза о нейтралитете с империалистической Японией никак не могли отразиться на дипломатической, военной и

²³⁹ Севостьянов, Г.Н. Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол / Г.Н. Севостьянов // Вопросы истории. - 1957. - № 8. - С.67-68.

²⁴⁰ Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911-1946. - М. - 2008. - Ч. I. - С.353.

²⁴¹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.333.

²⁴² Там же. - С.334.

экономической поддержке Внешней Монголии, которая в предвоенные годы только продолжала крепнуть²⁴³.

1 сентября 1939 г. вторжением Германии на Польшу начинается Вторая мировая война - наиболее трагическое событие в судьбах большинства народов мира. Однако начало войны не изменила стратегию Советского Союза на Дальнем Востоке в отношении МНР. Основопологающим в сотрудничестве МНР и СССР оставался Протокол от 1936 г. Тактика советского правительства по-прежнему строилась на совместной с монгольской стороной обороне маньчжурской границы, а также изоляции самой МНР от Китая в районах Внутренней Монголии²⁴⁴.

На протяжении всего 1939 г. продолжались официальные встречи высшего руководства МНР и СССР. Так премьер-министр МНР маршал Чойбалсан в декабре 1939 г. посетил Советский Союз для того, чтобы согласно его заявлению «получить политическую ориентировку в основных вопросах развития МНР»²⁴⁵.

В ходе беседы монгольского премьер-министра с советским руководством НКВД обозначились и более конкретные цели монгольского руководителя: оказания МНР финансовой помощи от СССР - строительства мясокомбината, железной дороги и т.д.; заручиться поддержкой высшего советского руководства по политическим вопросам - разработка новой конституции МНР, подготовкой очередного съезда, реорганизация МНРП и др.²⁴⁶

В январе 1940 г. после согласования всех перечисленных пунктов своей программы с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым Х. Чойлбансан отбыл на родину.

Все это время продолжается, ставшим активным после халхин-гольских событий, политический диалог между Японией и СССР. Так 9 июня

---

²⁴³ Там же. - С.353.

²⁴⁴ Там же. - С.354.

²⁴⁵ Там же. - С.356.

²⁴⁶ Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911-1946. Документы и материалы. - М., 2008. - С.271.

1940 монгольско-советской стороной и японскими представителями было подписано соглашение о демаркации монголо-маньчжурских границ в районе Халхин-Гола. Всеми участниками переговоров однозначно признавались границы 1936г. В связи с подписанием данного договора монгольским премьер-министром Х. Чойлбансаном на имя В.М. Молотова была послана телеграмма, в которой была выражена его благодарность за неоценимую поддержку МНР советской стороной²⁴⁷.

В июле 1940 г. продолжались активные попытки японских дипломатов заключить между СССР и Японией соглашение о ненападении. Советскому Союзу также предлагалось отказаться от помощи Китаю, взамен на возврат тому «северных территорий» (Южного Сахалина и Курил), а также сохранения того политического положения в монголо-маньчжурском регионе которое существовало на данный момент в неизменном виде²⁴⁸.

Правительство СССР отвергло такие предложения, хотя В.М. Молотов, заявил в августе 1940 г. о возможном соглашении между СССР и Японией договора о нейтралитете. 22 сентября 1940 г. был заключен тройственный пакт Германии, Италии и Японии, косвенно ускоривший советско-японские переговоры²⁴⁹.

После одобрения советским руководством курса Х. Чойлбансана по реорганизации МНРП, в начале 1940-х гг. к власти во Внешней Монголии пришло новое поколение политиков. Именно на их долю выпало бремя тяжести руководства МНР в годы Второй мировой войны. На X съезде МНРП почти полностью обновился состав всех органов партийного и государственного управления. Самой заметной фигурой среди них был Ю. Цеденбал, избранный в апреле 1940 г. генеральным секретарем ЦК МНРП. Вторым секретарем ЦК МНРП был избран Ч. Сурэнжав²⁵⁰. «Прилив свежей крови» в руководство МНР привел к новой кадровой политике. Началась

---

²⁴⁷ Там же. - С.272.

²⁴⁸ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск-Москва, 1996. - С.359.

²⁴⁹ Колмогоров В.Н. Деятельность КПСС и МНРП по формированию и укреплению советско-монгольского военно-политического сотрудничества в 1921-1945 гг. - М., 1984. - С.299.

²⁵⁰ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск-Москва, 1996. - С.362.

постепенная замена на руководящих постах всех уровней старых членов партии на представителей молодого поколения. Это были люди, более подготовленные и более образованные, многие из которых воспитывались на советской «идеологической платформе»²⁵¹.

13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был заключен пакт о нейтралитете и подписаны декларации о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности МНР и Маньчжоу-Го²⁵².

Руководство МНР выразило поддержку подписанию этих соглашений, на что было замечено В.М. Молотовым, что те являются настоящим серьезным достижением монгольско-советской дипломатии: «подписанное 13 апреля советско-японское соглашение должно послужить делу серьезного улучшения отношений между СССР и Японией, а также укреплению мирного положения на границах МНР и Маньчжоу-Го»²⁵³.

В Китае на советско-японский пакт и декларации было отреагировано совершенно предсказуемо и традиционно, выразив полное несогласие с подписанием такого соглашения²⁵⁴. 15 апреля 1941 г. МИД Китая опубликовал следующее официальное заявление: «Несомненным фактом является то, что Северо-Восточные провинции и Внешняя Монголия являются частью Китая и всегда остаются территорией Китайской Народной Республики. Китайское правительство и народ не могут признать любые обязательства третьих держав, которые нарушают территориальную целостность и суверенные права Китая. Поэтому Китайское правительство заявляют, что советско-японское объединенное заявление ни в коей мере не связывают Китайскую Народную Республику»²⁵⁵.

В годы Великой Отечественной войны советско-монгольское экономическое, научное и культурное сотрудничество не прерывалось не на

²⁵¹ Историч. опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. - М., 1971. - С.229.

²⁵² Внешняя политика МНР в документах/ - Улан-Батор, 1974. - С.341.

²⁵³ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.363.

²⁵⁴ Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая. 1927-1945. - М., 1978. - С.140.

²⁵⁵ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.364.

один день. Советский Союз продолжал оказывать Монголии помощь в развитии промышленности и транспорта, в подготовке различных специалистов. Но после начала войны СССР был вынужден значительно сократить общий объем экспорта в МНР почти в два раза.

22 июня 1941 г. состоялось объединенное заседание Президиума Малого Хурала, Совета министров МНР и Президиума ЦК МНРП, на котором было принято постановление «О вероломном нападении фашистской Германии на СССР»²⁵⁶. В этом постановлении было заявлено, что Монголия будет верна договоренностям, принятым на себя по Протоколу о взаимной помощи подписанному между МНР и СССР 12 марта 1936 г. МНР брала на себя все союзнические обязательства по оказанию Советскому Союзу необходимой помощи в его борьбе против фашистской Германии²⁵⁷.

Ноябрьский пленум ЦК МНРП (1941 г.) принял постановление «Об использовании местных ресурсов МНР и развитии производства предметов и товаров широкого потребления»²⁵⁸, чтобы компенсировать сокращение экспортных поставок СССР за счет внутренних резервов. Участники пленума заявили, что основной задачей Монголии в этот период является оказание всемерной помощи Советскому Союзу²⁵⁹.

23 июня 1941 г., на митинге трудящихся выступил премьер-министр МНР маршал Х. Чойлбасан с призывом к народу «... еще теснее сплотиться вокруг партии и государства, неуклонно укреплять экономическую и оборонную мощь своей страны и встать на стороне СССР»²⁶⁰.

Нужно отметить тот факт, что монгольский народ искренне принял этот призыв выполнить свой союзнический долг, что это воззвание было воспринято им как борьба за собственное «выживание», за свою независимость и суверенитет. Таким образом, всесторонняя помощь в борьбе

²⁵⁶ Внешняя политика МНР в документах/ - Улан-Батор, 1974. - С.350.

²⁵⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.363.

²⁵⁸ Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. - М., 1971. - С.350.

²⁵⁹ Там же. - С. - 352.

²⁶⁰ Чойболсан Х Избранные статьи и речи. - М., 1961. - С.161.

советского народа против немецкого фашизма стала по заявлению Ю. Цеденбала - «главной задачей МНР в годы Второй мировой войны»²⁶¹.

Прослеживая историю тех лет, можно обнаружить, что стремление монгольского народа помочь фронту Великой Отечественной войны возникло без всякого принуждения, по доброй воле самих аратов. Это искреннее союзническое желание монгольского населения было с самого начала войны и очень скоро превратилось во всенародное движение.

Помощь монгольского народа СССР в годы войны можно разделить на 2 части: материальную и моральную.

Материальная помощь представлялась сбором индивидуальных подарков, состоящих из самых различных предметов личного пользования, отправлением многоразовых подарочных эшелонов, состоящих из большого ассортимента товаров и продовольствия, покупки военной техники и оружия для СССР, продаж и дарением лошадей для нужд Красной Армии и хозяйственных дел, помощью освобожденным районам наличными деньгами и золотом.

Только лишь в декабре 1942 г. маршал Х. Чойбалсан, который в это время был, в СССР с правительственной делегацией, передал советскому фронту дар из 6 эшелонов подарков. Затем правительство МНР перечислило Советскому Союзу 2,5 млн. тугриков, 300 кг чистого золота, 100 тыс. американских долларов. Одним из главнейших и основных направлений оказания помощи Советскому Союзу - это была передача в дар лучших монгольских скакунов. В годы войны Красной Армии было передано более 30 тыс. лошадей²⁶². Как вспоминал генерал И.А Плиев: « С монгольскими неприхотливыми крепкими лошадами мы дошли до самого Берлина»²⁶³.

Приобретение боевой техники на средства монгольского народа было еще одной формой помощи монгольского народа СССР в его борьбе с

²⁶¹ Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи. - М., 1962. - С.212.

²⁶² Доржготов Д. Вклад монгольского народа в победу во второй мировой войне // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. - М., 1996. - С. 85.

²⁶³ Плиев И.А. «Дорогами войны». - М., 1985. - С. 99.

фашисткой Германией. Такая военная помощь особенно была важна в переломные годы Отечественной Войны СССР с оккупантами, и инициатива принадлежала правительству МНР²⁶⁴.

Руководство МНРП оказывало существенную непосредственную финансовую помощь Советскому Союзу на протяжении всей войны. Только в феврале 1942 г. правительством МНР было переведено в СССР около 2,5 млн. тугриков, 100 000 американских долларов и передало 300 кг золота. В июле того же года еще были собраны еще 2 млн. тугриков. За счет этих средств была отстроена танковая бригада «Революционная Монголия», которая поступила на фронт к началу 1943 года²⁶⁵. Бригада, начав свой боевой путь под Москвой, дошла до Берлина, пройдя тысячи километров. За успешную службу и за выполнение боевых задач бригаде было присвоено звание «Гвардейская»²⁶⁶.

На средства монгольского населения и советских граждан, проживающих на территории Монголии была построена авиаэскадрилья «Монгольский арат», решение о создании которой было принято XXVI сессией Малого Хурала МНР в марте 1943 г. Благодаря энтузиазму и самопожертвованию монгольского народа и, необходимые средства были собраны за 4 месяца²⁶⁷.

Авиаэскадрилья «Монгольский арат», вошедшая в состав 2-го Орловского Краснознаменного авиационного полка, героически сражалась в воздухе над землями Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии, Польши, Германии и Чехии. За боевые заслуги она была награждена советскими орденами Боевого Красного Знамени и Суворова²⁶⁸.

В настоящее время в монгольских и советских официальных документах общая безвозмездная помощь МНР Советскому Союзу

²⁶⁴ Доржготов Д. Вклад монгольского народа в победу во второй мировой войне // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. - М., 1996. - С. 88.

²⁶⁵ Там же. - С. 89.

²⁶⁶ Дашцэрэн Б. Танковая бригада «Революционная Монголия». - У.-Б., 1972. - С.37.

²⁶⁷ Там же. - С. 39.

²⁶⁸ Попель Н.К. Бригада «Монгольский арат». - М., 1977. - С. 31.

отличается незначительно. По данным советских источников она составила более 65 000 000 тугриков (86 000 000 рублей). Кроме того, правительство Внешней Монголии в годы Отечественной войны продало СССР по самым низким ценам 437 000 лошадей, общей стоимостью около 88 000 000 тугриков²⁶⁹.

Не менее важным для советского народа в эти годы, чем материальная поддержка монгольского народа советского, была искренняя помощь морального плана. Во все советские фронты красноармейцам направлялись тысячи писем монгол. В них были искренние теплые слова поддержки советского народа с выражением солидарности с ним в борьбе с немецкими захватчиками. В тылу и на фронте можно было встретить монгольские делегации в поддержку советского народа, которые также участвовали в награждении солдат Красной Армии. Правительство Внешней Монголии выплачивало пенсии инвалидам войны и дотации семьям советских граждан, проживающих на монгольской земле и мобилизованных на фронт²⁷⁰.

О дружественных отношениях между монгольским и советским народами, можно судить по тем словам телеграммы маршала Советского Союза Г.К. Жукова, которую тот послал правительству МНР 2 мая 1945 г.: «в этой страшной и жестокой борьбе против фашистских агрессоров советские войны всегда чувствовали и ценили помощь Вашего народа»²⁷¹.

Моральная и материальная помощь в тяжелые для Советского Союза годы войны явилась посильным вкладом монгольского народа в борьбу всего прогрессивного человечества против фашизма.

Активное участие МНР и ее союзнические отношения с СССР в заключительном этапе Второй мировой войны особенно было показательным в Дальневосточной военной операции.

²⁶⁹ Джагнева О.А. Развитие российско-монгольских отношений: Основные направления, проблемы и перспективы (1921-2005 гг.). - Элиста, 2006. - С.256.

²⁷⁰ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.373.

²⁷¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1974. - С.290.

Несмотря на заключение договора о нейтралитете 13 апреля 1941 г. между Советским Союзом и Японией, та постоянно нарушала условия соглашения, многократно нарушая государственную границу СССР. Японский флот топил торговые суда Советского Союза. Поэтому СССР вынужден был держать почти 40 дивизий против Квантунской Армии на восточных рубежах своей территории на протяжении всей Великой Отечественной войны.

В 1941-44 годах численность вооруженных сил МНР возросла более чем в 4 раза. По новому закон о всеобщей воинской обязанности, все мужчины и женщины Монголии обязывались нести военную службу. В годы Великой Отечественной войны, официально не принимающая в военных действиях, МНР тратила на свои вооруженные силы более 60% государственного бюджета. Такое повышение обороноспособности монгольских войск стало важным дополнительным фактором сдерживания японской Квантунской армии²⁷².

Главной задачей после поражения немецкой армии и капитуляции фашистской Германии 8 мая 1945 г., для союзников по антигитлеровской коалиции стал разгром милитаристской Японии. Ведь, несмотря на то, что Япония лишилась своего главного военного союзника, в ее распоряжении оставалась прекрасно вооруженная армия численностью более 7 млн. человек, и имевшей в своем распоряжении 10 тысяч военных самолётов, 500 военных судов.

Подготовка к военной кампании против Японии началась ещё до окончания войны в Европе, с Крымской конференции в феврале 1945 г. В мае СССР аннулировал Договор о нейтралитете с Японией, а в июле союзники по антифашистской коалиции в Потсдаме утвердили окончательный план военных действий против Японии²⁷³.

---

²⁷² Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.379.

²⁷³ Там же. - С.380.

10 августа маршал МНР Х. Чойбалсан объявил войну Японии. Так началась военная кампания против Японии²⁷⁴.

К этому времени Красная Армия имела за плечами огромный боевой опыт, советские солдаты по праву снискали славу отважных воинов. Для обеспечения успеха в дальневосточной операции 1945 г., советско-монгольское командование сосредоточило военную группировку, превосходящую японцев в живой силе в 1,8 раз, в танках и орудиях - в 4,8, в воздушном флоте - в 2 раза. Стратегическая задача этого мощного «военного кулака» заключалась в полном разгроме Квантунской армии и освобождении Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и северо-восточных округов Китая, Северной Кореи от японских войск.

Для осуществления военных замыслов на Дальнем Востоке советским генеральным штабом был тщательно продуман план наступления Красной Армии. Который с успехом был воплощен силами Первого Дальневосточного фронта, нанесшего удар с сунгарийского и уссурийского направлений; Второго Дальневосточного фронта, действовавшего - с Сахалина и Амура; и Забайкальского фронта, который совместно с войсками МНР нанесли удар с границ Внешней Монголии и СССР в направлении центра Маньчжурии²⁷⁵.

Советские и монгольские военные силы выполнили одновременное подковообразное наступление, охватив противника фронтом в 5000 км, глубиной 800 км. В составе Забайкальского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского действовала Монгольская Народно-Революционная армия, задачей которой являлась военная помощь советским войскам в прорыве и окружении главных сил японской армии на правом крыле Дальневосточном театре военных действий²⁷⁶.

Части и соединения МНРА, наступавшие в направлении столицы Китая, 14 июля разбили оборону противника и устремились вперед. Когда 22

²⁷⁴ Шагдар Х.С. Дальневосточная военная операция. - М., 2006. - С.267.

²⁷⁵ Плиев И.А. «Дорогами войны». - М., 1985. - С.212.

²⁷⁶ Там же. - С.213.

июля монгольско-советские войска подошли к нынешнему Пекину на расстояние 80 км, был получен приказ не переходить границу Внутренней Монголии и остановить наступление²⁷⁷.

Таким образом, на 23-й день военных действий Красная Армия, совместно с войсками МНР (с 9 августа по 2 сентября) полностью разгромила Квантунскую армию. Следствием поражения империалистической Японии явилось подписание последней акта о безоговорочной капитуляции на линкоре США «Миссури»²⁷⁸.

В войне на Дальнем Востоке Монголия потеряла более 2000 солдат и офицеров, более 100 цуриков пропали без вести. Материальный ущерб, нанесенный МНР в период войны на Дальнем Востоке, составил 205 млн. тугриков²⁷⁹.

3.3. Завершение международно-правового оформления Монголии

Ключевым моментом международного положения МНР в годы Второй Мировой войны стал процесс международно-правового оформления монгольской государственности, завершивший длительный период борьбы монгольского народа, фактически вступившего в активную фазу с 1921 г. Перелом в признании суверенности МНР наступил в 40-е годы и был связан прежде всего с поддержкой и дипломатической деятельностью СССР на международной арене²⁸⁰.

8 декабря 1941 г., на следующий день после нападения Японии на американскую военную базу Перл-Харбор, президент США Ф. Рузвельт в беседе с советским послом в Вашингтон М.М. Литвиновым высказался в том плане, что в войне против Японии желательно участие СССР. Этот вопрос

²⁷⁷ Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946. - М., 2008. - С.344.

²⁷⁸ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. – С.389.

²⁷⁹ Там же. - С.389.

²⁸⁰ Там же. - С.389.

был поднят президентом США в послании И. В. Сталину от 16 декабря 1941 г. и 17 июня 1942 г.²⁸¹.

Впервые на уровне глав союзнических держав, монгольский вопрос был обозначен на Каирской конференции союзников в ноябре 1943 г. Этот вопрос поднимал генерал Ч. Кайши, предложив президенту США Ф. Рузвельту поддержать идею «включения... территории МНР» в состав Китайской Народной Республики. Президент США дал конкретный ответ: «данную проблему необходимо обсудить... путем переговоров с СССР»²⁸².

Основной этап решения проблемы независимости МНР пришелся на весну 1945 г. - период подготовки и проведения Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании 4-11 февраля 1945 г. Накануне, в июле 1944 г. в Улан-Батор с шестидневным визитом прибыл вице-президент США Генри Уолэсс, обсудивший с правительством МНР и представителями советского руководства проблему международного признания МНР и отношение к этому китайской стороны²⁸³.

8 февраля 1945 г., в ходе начавшейся Ялтинской конференции великих держав, И. Сталин на одной из встреч спросил Ф. Рузвельта, что тот думает «о сохранении статус-кво во Внешней Монголии». Президент США ответил, «что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво во Внешней Монголии должен быть сохранен»²⁸⁴.

Характерно, что и Ф. Рузвельт и другие руководители стран-союзников однозначно трактовали «статус-кво» Монголии как реально существующее «самостоятельное государственное образование», находящееся под влиянием СССР, но не как часть КНР²⁸⁵.

²⁸¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг. - М., 1976. - Т. 2. - С.12.

²⁸² Ендон Д. Антифашистская коалиция и МНР // М., - 1985.-, № 7. - С.31.

²⁸³ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences in Cairo and Teheran. 1943. - Wash., 1961. - P.325-326.

²⁸⁴ СССР на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. 4-11 февраля 1945 г.: Сборник документов. - М., 1984. - Т. IV. - С. 130.

²⁸⁵ Truman H. The Year of Decision. - Wash., -U. - 1955. - P. 317.

11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым, из которых было «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)». «Предполагается, - говорилось далее, - что соглашение относительно МНР и вышеупомянутых портов и железной дороги потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету И.В. Сталина, руководители западных стран примут меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Со своей стороны, Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от Японского империализма»²⁸⁶.

Китайская сторона предпринимает последнюю попытку отстоять свою точку зрения, послав в Москву свою правительственную делегацию. 30 июня 1945 г. Премьер-министр КНР настаивал на пересмотре Крымского соглашения с советской стороной по монгольскому вопросу, который занимал снова центральное место на переговорах. Для китайского правительства это был последний шанс решить его на высшем уровне в свою пользу. Однако все попытки китайцев поставить вопрос о включении МНР в состав Китая были отвергнуты И. В. Сталиным, который в частности заявил: «в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервем переговоры»²⁸⁷.

Советское руководство настаивало на своей позиции, дав понять китайской стороне, что если КНР не признает суверенитет Внешней Монголии, то Советский Союз не поможет Китаю в войне против Японии. В

²⁸⁶ СССР на международных конференциях. Сборник документов. - М., 1984. - Т. IV. - С.254 - 255.

²⁸⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.391.

результате китайская сторона уступила и переговоры сдвинулись с мертвой точки»²⁸⁸.

Параллельно ходу советско-китайских переговоров советское правительство пригласило в СССР Х. Чойбалсана. Он прибыл в Москву 4 июля 1945 г., а уже 5 июля состоялась его встреча в Кремле со Сталиным²⁸⁹. Основной вопрос, обсуждавшийся в ходе беседы, - советско-китайские переговоры и вступление СССР и МНР в войну с Японией. Сталин был предельно откровенным с Х. Чойбалсаном. Перед официальным подписанием документов о признании Китаем МНР независимым маршалу Х. Чойбалсану было предложено высказать свое мнение, которое тот тут же озвучил: «Да, это то, что мы хотим, но дружбы и дружеского сотрудничества с китайцами у нас не будет. Это очень, очень плохой народ... Они продолжают притеснять монгол во Внутренней Монголии. Я хорошо понял смысл декларации. Мы, как независимое государство, предъявим свой счет китайцам. Мы расскажем всему миру, как они издевались над нами, как они продолжают издеваться над монголами, которые остались у них»²⁹⁰.

Видно было, что маршал Х. Чойбалсан готов бороться как с японцами, так и, судя по этому заявлению, начать военные действия против Китая, а не освободить его совместно с советскими войсками.

В действиях Х.Чойбалсана явно просматривалось желание, заручится поддержкой СССР на то, чтобы присоединить территории Внутренней Монголии, как только будет разбита империалистическая Япония. Однако, подобных заявлений ни со стороны Сталина, ни со стороны других советских руководителей маршал Чойбалсан так и не услышал.

7 июля 1945 г. в честь Х. Чойбалсана в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца был дан обед, на котором с советской стороны присутствовали И.В. Сталин, В.М Молотов, Л.П. Берия. Г.М. Маленков, Л.М. Каганович и другие, всего 27 человек. С монгольской - Х. Чойбалсан, посол

²⁸⁸ Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С. 85.

²⁸⁹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.392.

²⁹⁰ Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С. 86.

Самбу, секретарь ЦК МНРП Б. Ширендыб, секретарь миссии Идамжаб и переводчик Ильин. Во время торжества И. Сталин произнес тост, который без сомнения с замиранием сердца слушал Чойбалсан. Сталин сказал: «Одно время среди монгол были крупные разногласия по вопросу о том, с каким государством им поддерживать дружбу, с Японией или с Советским Союзом. Многие монголы, например, Дэван, высказывались за дружбу с Японией. Я поднимаю бокал за тех руководителей Монголии, которые поняли и правильно решили, что Монголии нужно поддерживать дружбу с Советским Союзом. Эти люди сейчас стоят во главе независимой Монголии, а те, кто выступал за союз с Японией, находятся под пятой маньчжур и японцев. За руководителей Монголии, за ее независимость!»²⁹¹.

После отъезда Чойбалсана и объявления Советским Союзом (8 августа) и МНР (10 августа) войны Японии спешно завершились советско-китайские переговоры. 14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем и состоялся обмен нотами между МИД Китая и СССР по вопросу о государственном суверенитете МНР. Нота МИД Китая гласила: «Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости, Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит данное стремление, китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах»²⁹².

В советской ноте, в частности, говорилось, что советское правительство «будет уважать государственный суверенитет и территориальную целостность Монгольской Народной Республики»²⁹³.

У многих монгольских руководителей, включая Х. Чойлбалсана, данные договоренности между Китаем и СССР вызвали некоторое недовольство. Х Чойлбансан уже не был удовлетворен столь желаемым ранее признанием китайской стороной независимости Внешней Монголии. Он

²⁹¹ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1945 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.395.

²⁹² Там же. - С.378.

²⁹³ Капица М.С. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). - М., 1965. - С.159.

хотел большего добиться от Китая. «Это разочарование, - сообщал из МНР посол А.И. Иванов, - вытекало из убеждения Чойбалсана и руководящего состава МНРП в том, что участие Внешней Монголии в войне с Японией приведет к воссоединению с МНР Внутренней Монголии и Баргой»²⁹⁴.

Реализация панмонголисткой идеи во Внутренней Монголии воплощалась под воздействием внешних политических сил, а конкретно, главным фактором ее фактического воплощения стало стремительное продвижение монгольско-советских войск на ее территории. Успешные действия Красной армии позволили в августе 1945 г. легализовать деятельность ЦК МНРП ВМ, который вскоре принял декларацию «о воссоединении МНР и Внутренней Монголии»²⁹⁵.

Перед советским правительством встал вопрос о разрешении действовать монгольскому руководству на военные действия по объединению Внутренней Монголии с МНР. В случае положительного решения этого вопроса, это означало бы одностороннее нарушение советской стороной предыдущих советско-китайских соглашений, на что правительство СССР никак не хотело идти.

10 сентября 1945 г. во Внутренней Монголии произошел съезд князей, чиновников и аратов, от решения которых во многом зависела дальнейшая судьба данной территории, ее политический статус в международных отношениях. Обсуждались три варианта: 1) автономия Внутренней Монголии в составе Китая; 2) объединение ее с МНР; 3) Внутренняя Монголия - как независимая страна. Победила точка зрения о суверенном государстве «Внутренняя Монголия». В руководство этого, как показала история, краткосрочного государственного объединения, вошли многие министры из числа монгол при бывшем правительстве Дэвана. (Сам Дэван был арестован в конце войны китайскими властями)²⁹⁶. На этом Съезде была провозглашена декларация о «независимости Внутренней Монголии», и

²⁹⁴ Там же. - С.160.

²⁹⁵ Дылыков С.Л. Демократическое движение монгольского народа в Китае. - М., 1953. - С.115.

²⁹⁶ Автономный Район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. - М., 1980. - С.142.

принята Конституция²⁹⁷. В 1947 г. суверенитет Внутренней Монголии был сведен до уровня автономии в составе КНР.

События 1945-1947 гг. во Внутренней Монголии, обозначили традиционные проблемы - панмонголизм, антикитайские настроения среди монголов, и новые тенденции - рост влияния КПК и СССР в этом дальневосточном регионе.

Плебисцит в МНР, проведенный 20 октября 1945 г., подтвердил желание монгольского народа существовать независимо от Китая. Голосование выявило всенародную поддержку идеи независимости МНР, отразив и многообразие монгольского общественного мнения, в частности, по проблеме взаимоотношений России, Монголии и Китая. Часть населения в ходе опроса высказывала недоумение по поводу проведения плебисцита, заявляя, что «Монголия уже является фактически независимой в течение 25 лет»²⁹⁸.

Другая часть монгольского народа считала, что плебисцит должен решить вопрос «не о независимости Монголии в существующих границах, а о воссоединении Внутренней Монголии и Барги с МНР»²⁹⁹.

В отдельных сомонах имелись даже высказывания о том, «что плебисцит проводится по инициативе СССР с целью последующего присоединения к нему Монголии»³⁰⁰. Весь этот «коктейль» мнений, бурлящий внутри монгольского народа отражали весь спектр политической и социальной палитры, которая была замешана на территории Монголии все эти годы (симпатий к СССР, идеи панмонголизма и борьбы с Китаем за суверенность, а также проявлений антисоветских настроений на фоне репрессий в 30-е гг., атеизма и т.д.)³⁰¹.

12 ноября 1945 г. протоколы Центральной Комиссии по проведению плебисцита были утверждены Президиумом Малого Хурала. 5 января 1946 г.

²⁹⁷ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М., 1987. - С.151.

²⁹⁸ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1946 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.395.

²⁹⁹ Там же. - С.396.

³⁰⁰ Там же. - С.397.

³⁰¹ Архипов В.А. Историческая веха братского союза советского и монгольского народа. - 1986. - №2.-С.24.

правительство КНР, ознакомившись с итогами плебисцита, официально признало независимость МНР³⁰².

Таким образом, монгольский вопрос в международно-правовом плане в период второй мировой войны был решен. В результате реализации решений Ялты - советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. - Плебисцита - и признания Китаем 5 января 1946 г. независимости МНР, последняя приобрела полноценный международный статус суверенного государства³⁰³.

Стратегическое партнерство МНР и СССР была подтверждено Договором о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, подписанном в Москве 27 февраля 1946 г. В статье II Договора говорилось: «Правительства СССР и МНР обязуются в случае военного нападения на одну из Договаривающихся Сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь»³⁰⁴.

МНР накануне и в период второй мировой войны находилась в двойственном международно-правовом положении. С одной стороны, она являлась несомненным субъектом в рамках двусторонних монгольско-советских отношений, а с другой, она юридически существовала как «часть» Китая.

Ялтинские договоренности между СССР и его союзниками окончательно оформили международно-правовой статус МНР. Они также подтвердили предыдущее решение оставить проблему международного положения Внутренней Монголии как на внутривнутриполитическое дело КНР. Планам монгольского правительства на историческое воссоединение МНР и Внутренней Монголии не было возможности осуществиться вследствие отрицательного отношения СССР к идее «панмонголизма». По этим причинам Внутренняя Монголия к 1945 г. продолжала фактически оставаться подконтрольной территорией КНР, так и не обретя полноценную независимость и суверенитет.

³⁰² Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1946 гг. - Магнитогорск, 1996. - С.398.

³⁰³ Там же. - С.385.

³⁰⁴ Советско-монгольские отношения. 1921-1974. М. - 1981 - Т.2. - С. 157.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что:

Монголия на протяжении всей истории оформления своего правового статуса в XX в. находилась в постоянном поиске «себя» в международных отношениях, пытаясь противостоять внешним силам. Монголия в данных и зачастую враждебных обстоятельствах постепенно становится самостоятельным национальным субъектом, способным проводить политику, отвечающей своим государственным интересам.

Внешняя политика МНР в течение 1921-1946 гг. существенно эволюционировала, будучи неотрывно связанной с дальневосточной международной стратегией Советского Союза, задававшей в этот период главный вектор развития монгольской государственности. За 25-летний отрезок времени произошло не только правовое и государственное оформление Монголии, но и формирование вокруг нее качественно новой системы международных отношений, определившей новый порядок в Восточной Азии и на Дальнем Востоке к концу второй мировой войны. Процесс формирования монгольской государственности происходил как под влиянием собственной политической воли, так и под воздействием комплекса внешних факторов, изменивших страну до неузнаваемости: деятельность Коммунистического Интернационала и революция в Китае 1925-1928 гг., агрессивная внешняя политика империалистической Японии в 30-е гг., вторая мировая война, а также участие советской стороны в «ялтинских» переговорах. Главные внешнеполитические игроки на Дальнем Востоке - Внешняя Монголия - Россия - Китай, формирующие международную политику в дальневосточном регионе к 1921 г., за 25 лет оформились в новые противостоящие друг другу союзы МНР - СССР и Китай, Япония, а позднее и Маньчжоу-Го. При этом малые народности Бурятии и Тувы были непосредственно включены в политический союз Внешняя Монголия - Советский Союз.

Процесс подобного превращения имел несколько этапов.

Рождение новой монгольской государственности происходило в условиях влияния мощных социальных потрясений в сопредельных с МНР странах - России и Китае. Монгольская народная революция была частично плодом политики Коммунистического Интернационала и объединила в себя идею панмонголизма и желание Монголии стать независимым и суверенным государством.

В этот исторический промежуток времени руководство Внешней Монголии занимались поиском новой, на смену устаревшей теократической, формы государственности. Вариант независимой республики в союзе с СССР, давал перспективы сохранения монгольского суверенитета.

В 1921-1924 гг. во внешней политике правительства МНР наметились такие характерные направления, как распространение своего влияния на сопредельные регионы, сближение политического и экономического курса с СССР и сохранение своей независимости от Китая.

Период перехода Монголии к республике 1921-1924 гг. для ее внешней политики характеризовался двумя направлениями - оформлением дипломатического и государственного признания монгольской независимости советской стороной соглашением 5 ноября 1921 г. с последующим сближением в политической, и экономической областях, и с последовательным проведением независимого внешнеполитического курса в соседних регионах. Политика таких монгольских лидеров того времени как Д. Бодо, Б. Церендорж, основывалась на приоритетах сохранения национальных интересов при сохранении направленности на сотрудничество с СССР, а также поиском точек соприкосновения с Китаем.

Внешняя политика МНР в ходе китайской революции 1925-1928 гг. характеризовалась попытками проведения идей панмонголизма среди этнически родственных народов. В 1925-1928 гг., в руководстве СССР и МНР, рассматривались три варианта развития будущей модели государственности МНР: 1) объединение 2-х Монголий с последующим вхождением в Советский Союз; 2) присоединение Внешней и Внутренней

Монголий с Китаем в качестве автономий; 3) сохранение фактической независимости МНР под «присмотром» правительства СССР и Коммунистического Интернационала, а также признание Внутренней Монголии составной частью Революционного Китая, руководимого КПК и Гоминьданом. Итоги революции 1927 г. в Китае заставили остановиться монгольское и советское правительства на последнем варианте.

Поражение китайской революции заставило правительство СССР совершенно поменять свои стратегические планы в отношении МНР: идеологический подход к Монголии как к «1-ой ступени» по распространению мирового Коммунистического Интернационала на Восток, сменяется конкретикой общегосударственных задач. Внешняя Монголия в планах руководства Советского Союза, на фоне усиливающейся агрессивной политики Китая и Японии в конце 20-х гг., становится защитной «буферной зоной» от враждебных внешних сил.

На рубеже 20-х - 30-х годов во внешнеполитическом курсе Внешней Монголии, долгое время балансировавшего на «политике компромиссов» между СССР и Китаем, происходит поворот в сторону Советского Союза. Характер отношений МНР – СССР в этот период времени носит многовекторный и достаточно неоднозначный характер.

На международное положение МНР в начале 30-х годов значительно влияет агрессивная политика империалистической Японии, которая в 1931 г. начинает захват территорий Китая, а в 1932 г. создает рядом с границами внешней Монголии подконтрольное ей государственное образование Маньчжоу-Го. Агрессивность Японии в дальневосточном регионе ускоряет военно-политическое и экономическое сближение МНР и СССР.

Заключительный период формирования идеологического, военного, политического и экономического союза между СССР и МНР приходится на середину 30-х годов. Негласное Соглашение 27 ноября 1934, и Протокол о взаимопомощи 14 марта 1936 г являются основными документами этого периода, закрепившими союзнические отношения между МНР и СССР.

Монгольско-советское сотрудничество носило закономерный характер, так как оно основывалось не только на общности идеологической составляющей главенствующих партий, ЦК МНРП и ЦК ВКП(б), но и прежде всего, на схожести общегосударственных интересов двух стран в той непростой международной обстановке. МНР в 30-е годы, не имела другой возможности сохранить свою независимость и приобрести суверенные права.

Незадолго до начала Второй мировой войны МНР и СССР оформляют создание общей системы национальной безопасности. Для этого в МНР при активной поддержке СССР, происходят военно-технические и экономические преобразования, так как отсталая Монголия не вписывалась в советские планы. Наоборот, МНР, с переоснащенной армией и развитой экономикой, стала бы крепким звеном в стратегической оборонительной системе Советского Союза на Дальнем Востоке.

Военный конфликт на Халхин-Голе (май - сентябрь 1939 г.) был прямым результатом накопившихся противоречий между основными политическими игроками данной региональной системы. Основой военного столкновения между СССР и Японией, послужило желание последней, разгромив СССР на Халхин-Голе, прекратить его помощь КНР, и тем самым ускорить полный захват Китая. Поражение Японии и Маньчжоу-Го в 1939 показало эффективность созданной монгольско-советской системы безопасности в дальневосточном регионе, и предотвратило создание Японией из МНР плацдарма для ее дальнейшей агрессии на территорию СССР.

Победа СССР во Второй мировой войне окончательно завершила процесс международно-правового признания МНР как суверенного государства. Ялтинские документы окончательно закрепили границы МНР. Подписание монгольско-советского Договора 1946 г. оформило дальнейший выход МНР на широкую международную арену и способствовало вступлению в 1961 г. в ООН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Источники

1. Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. - М.: [б.и.], 1952. - 142 с.
2. Декларация о развитии стратегического партнерства (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.) :[Эл. ресурс] . - URL [// http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59197](http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59197)
3. Декларация о развитии стратегического партнерства (Улан-Батор, 25 августа 2009.) :[Эл. ресурс] . - URL [// http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59197](http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=59197)
4. Автономный регион - Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. - М.: [б.и.], 1980. - 313с.
5. Внешняя политика МНР в документах. - Улан-Батор: Госиздат, 1974.- 527 с.
6. Документы внешней политики СССР. - М.: [б.и.],1957.- Т.1. - С.580-621.
7. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания, конгрессы Коминтерна и пленумы ИККИ. 1919-1932. - М.: Партийное издательство, 1933. - С. 356-388.
8. Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946. Документы и материалы: в 2 ч.- М.: Улан-Удэ, 2008.- Ч. I.- 349с.; Ч. II. - 326 с.
9. Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. - М.: Международные отношения, 1975.- Т. I-П.- 675 с.
10. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М.: НИКАН, 1934. - 395 с.
11. Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. 1921-1974. - М.: Международные отношения, 1975.- Т. I-П.- 675 с.
12. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая и Монголии. - М.: НИКАН, 1934. - 395 с.

13. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг. - М.: [б.и.], 1976. - Т. 2. – 12 с.
14. Коммунистический Интернационал. - 1931.- № 33-34. - С.38-49.
15. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. / Г.К. Жуков. - М.: [б.и.], 1990. -Т. 1. - 318 с.
16. Зверев, А.Г. Записки министра / А.Г. Зверев. - М.: [б.и.], 1973. - 269 с.
17. Лузянин, С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925-1938 гг. / С.Г. Лузянин // Анналы: ИВ РАН. - М.: [б.и.], 1995. - 398с.
18. Плиев, И.А. Дорогами войны / И.А. Плиев. - М.: Книга, 1985.- 312 с.
19. Цеденбал Ю. Избранные статьи и речи / Ю. Цеденбал. - М.: [б.и.], 1962. - 252 с.
20. Чойболсан, Х. Избранные статьи и речи / Х. Чойболсан. - М.: Иностранная литература, 1961. - 361 с.

II. Исследования

21. Агалаков, В.Т. Победа Советов Восточной Сибири и Монголия (1919-1929 гг.) / В.Т. Агалаков // Дорогой Дружбы. - Иркутск: [б.и.], 2001.- С. 31-52.
22. Амор, А. Краткая история Монголии (1919-1936г) / А. Амор.- М.: Улан-Удэ, 2008.-356 с.
23. Архипов, В.А. Историческая веха братского союза советского и монгольского народа / В.А. Архипов // Проблемы Дальнего Востока. - 1986. - № 2.- С.14-36.
24. Баярху, Д. Система международных отношений и проблемы независимости Монголии / Д. Баярху // Новости Монголии. - Улан-Батор: МОНЦАМЭ, 1996. - № 31(67) 10 ноября. - С.7-11.
25. Белов, Е.А. Баргинский вопрос по материалам русских архивов (1911-1930 гг.) / Е.А. Белов // Восток. - 1993. - № 1. - С. 170-188.

26. Бойкова, Е.В. Отношение МНР с капиталистическими и развивающимися странами: (30-40-е годы). / Е.В. Бойкова. - М.: ГРВЛ, 1982. - 176 с.
27. Бурдуков, А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. / А.В. Бурдуков. - М.: Наука, 1969. - 319 с.
28. Вартанов, В.Н. Влияние событий на Халхин-голе в 1939 г. на военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке / В.Н. Вартанов // 70 лет Монгольской Народной Революции. М: [б.и.], 1992. - С. 50-62.
29. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я Владимирцов. - Л.: Востлитиздат, 1934. - 223 с.
30. Галенович, Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений / Ю.М. Галенович. - М.: ИДВ РАН, 1992. - Т.1-2. - 350 с.
31. Гольман, М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития // VI Международный конгресс монголоведов / М.И. Гольман. - М.: [б.и.], 1992. - Т.1. - С. 37-45.
32. Гольман, М.И. О процессах демократии в Монголии / М.И. Гольман // 70 лет Монгольской народной революции. М.: [б.и.], 1992. - С.104-110.
33. Грайворонский, В.В. От кочевого образа жизни к оседлости / В.В. Грайворонский. - М.:Наука, 1979. - 175 с.
34. Грайворонский, В.В. 70-летие народной революции и исторические судьбы монгольского аратства / В.В. Грайворонский // 70 лет Монгольской Народной Революции. - Мат. межд. науч. конф. - М.: ИВ РАН, 1992. - С. 40-51.
35. Григорьев, А.М. К оценке поездки делегации Гоминдана в Москву в 1923 г. //Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тез. докл. V Междун. науч. конф. - М.: [б.и.], 1994. - Ч. II. - С.37-48.
36. Гурьев, Б.К. Политические отношения России и Монголии / Б.К. Гурьев // Жизнь Бурятии. - 1930. - № 5-6.- С. 125-132.

37. Далин, С. Молодежь в революционном движении в Монголии / С. Далин. - М.-Л.: Новая Москва, 1929. - 148 с.
38. Дамдинсурэн, Ж.Д. Связи МНРП с международным коммунистическим движением на демократическом этапе революции в период 1920-1940 гг. / Ж.Д. Дамдинсурэн- Автореф. канд. дисс. - М.: [б.и.], 1969. - 270с.
39. Доржготов, Д. Вклад монгольского народа в победу во второй мировой войне / Д. Доржготов // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. - М.: [б.и.], 1996. – 85 с.
40. Дубинин, А.В. Проблемы политики Коминтерна в национально-колониальном вопросе (на примере Монголии) 1919-1928 гг. Автореф. канд. дисс. / А.В. Дубинин. - М.: [б.и.], 1972. - 25 с.
41. Дылыков, С.Л. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории. / С.Л. Дылыков. - М.: Институт востоковедения, 1953. – 132 с.
42. Ендон, Д. Антифашистская коалиция и МНР / Д. Ендон // Международная жизнь. - 1985.- № 7. - С.31-35.
43. Еременко, Т.В. Советско-монгольские отношения (К 40-летию Договора о дружбе и взаимопомощи) / Т.В. Еременко // Дипломатический вестник. Год 1986. - М.: МО, 1987. - С. 72-79.
44. Ефимов, Г.В. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.2. 1917-1945 гг. / Г.В. Ефимов, А.М. Дубинский. - М.: Наука, 1973. - С. 371-378.
45. Джагнева, О.А. Развитие российско-монгольских отношений: Основные направления, проблемы и перспективы (1921-2005 гг.) / О.А. Джагнева. - Элиста: [б.и.], 2006.- 356 с.
46. Железняков, А.С. Об итогах народной революции 1921 г. в Монголии / А.С. Железняков // 70 Монгольской Народной Революции. - Материалы международной научной конференции. - М.: ИВ РАН, 2002. - С. 24-29.
47. Железняков, А.С. Монголия и «русский коммунизм» / А.С. Железняков // Научно-информационный бюллетень. - М.: [б.и.], 1996. - 280 с.

48. Захарова, К.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. / К.Ф. Захарова. - М.: Наука, 1990. - 362 с.
49. Златкин, И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И.Я. Златкин. - М.: Издательство восточная литература, 1957. - 300 с.
50. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм. - М.: [б.и.], 1971.-229 с.
51. История Монгольской Народной Республики. - М.: Наука, 1998.— 601 с.
52. История советско-монгольских отношений. - М.: Наука, 1981. - 349 с.
53. История Тувы. - М.: [б.и.], 1965. - Т.2.- 412 с.
54. Каллиников, А. Национально-революционное движение в Монголии / А. Каллиников. - М.-Л.: Госиздат, 1926. - 192 с.
55. Капица, М.С. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения) / М.С. Капица, В.И. Иваненко. - М.: Международные отношения, 1965. - 219 с.
56. Кара-Мурза, Г.С. Оккупация Маньчжурии и образование Маньчжоу-Го / Г.С. Кара-Мурза. - Чита: Типография Горького, 1945. - 167 с.
57. Каретина, Г.С. Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-х гг. / Г.С. Каретина. - М.: [б.и.], 1984. - 218 с.
58. Каткова, З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая. 1927-1945. / З.Д. Каткова. - М.: Наука, 1978. - 240 с.
59. Кедров, Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз / Ю. Кедров // Азия и Африка сегодня.- 1995. - №12. - 210 с.
60. Колмогоров, В.Н. Деятельность КПСС и МНРП по формированию и укреплению советско-монгольского военно-политического сотрудничества в 1921-1945 гг. Автореф.канд.дисс. / В.Н. Колмогоров. - М.: [б.и.], 1984. - 240 с.
61. Коминтерн и Восток. - М.: Наука, 1969. - 513 с.
62. Коннор, Т.О. Чичерин и советская внешняя политика 1918-1930 гг. / Т.О. Коннор. - М.: Мысль, 1992. - 180 с.

63. Кошкин, А.А. Как готовился Халхин-гол / А.А. Кошкин // Новая и новейшая история. - М.: [б.и.], 1988. - № 6. - С. 42-55.
64. Кунгуров, Г.Ф. Аратская революция: исторический очерк / Г.Ф. Кунгуров, И.А. Сороковиков. - Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1957. - 208 с.
65. Курас, Л. О переходе бурят в Монголию / Л. Курас // Байкал. - Улан-Удэ, 1991. - Т 5. - 220 с.
66. Ленин, В.И. Национальная гордость великороссов / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. - Т. 26. - 458 с.
67. Лхагва, Т. Что же думал Сталин о монголах? / Т. Лхагва // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - 85 с.
68. Лигдэн, Б. Участие МНР в войне против милитаристской Японии / Б. Лигдэн // Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. - М.: Наука, 1977. - С. 139-146.
69. Линецкий, Л.М. Помощь ВКП(б) и Коминтерна в образовании Монгольской Народной партии / Л.М. Линецкий. - Харьков, 1981.- Депонирована в ИНИОН, № 919005. - 152 с.
70. Лузянин, С.Г. Россия - Монголия - Китай в 1911-1946 гг. / С.Г. Лузянин. - Магнитогорск: Москва, 1996. - 423 с.
71. Лузянин, С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-1927 гг. / С.Г. Лузянин // Восток. - 1996.- № 1. - С.65-76.
72. Лхамсурэн, Б. Из истории внешних отношений МНР. 1921-1945 гг. / Б. Лхамсурэн // Современная Монголия. - 1958. - № 1. - С.11-28.
73. Матвеева, Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР / Г.С. Матвеева. - М.: Наука, 1978. - 278 с.
74. Масленников, В.А. Монгольская Народная Республика / В.А. Масленников. - М.: [б.и.], 1955.- 321с.
75. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. - М.: Мысль, 1973. - 324 с.

76. Монгольская Народная Республика. Справочник. - М.: Наука, 1986.- 440с.
77. Надиров, Ш.Г. Цеденбал, 1984 год / Ш.Г. Надиров. - М.: [б.и.], 1995.- 280с.
78. Нежинский, Л.Н. Идея «мировой революции» и внешняя политика советского государства в 1917-1921 гг. / Л.Н. Нежинский // Советская внешняя политика 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. - М.: [б.и.], 1992.- 294 с.
79. Очур, Б.Ч. Тувинская национально-освободительная революция 1921 г. и ее последствия. Автореф. канд. дисс. / Б.Ч. Очур. - Кызыл, 1959. - С. 216-225.
80. Распопин А.В. МНР и японская провокация на ее границах / А.Распопин. - Ростов-на-Дону: [б.и.], 1939. - С.29-38.
81. Рошин, С.К. Развитие социалистических производственных отношений в МНР / С.К. Рошин. - М.: Наука, 1979. - 160 с.
82. Рошин, С.К. Турар Рыскулов в Монголии / С.К. Рошин //Азия. - Сентябрь 1994. - № 35.- С. 68-76.
83. Рошин, С.К. Турар Рыскулов в Монголии / С.К. Рошин // Владимирцовские чтения. Всероссийская конференция монголоведов. - М., 1995. - С.100-105.
84. 70 лет Монгольской Народной революции. Материалы международной научной конференции. Москва, 4 июля 1991 г. - М.: Издательство ИВ РАН, 1992. - 124 с.
85. Сафронов, В.П. СССР и японская агрессия (1937-1941) / В.П. Сафронов // Советская внешняя политика. 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. - М.: [б.и.], 1992. - С.61-71.
86. Севостьянов, Г.Н. Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол / Г.Н. Севостьянов // Вопросы истории. - 1957. - № 8. - С.63-64.

87. Сиполс, В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933-1935 / В.Я. Сиполс. - М.: Наука, 1980. - 391 с.
88. Соболев, А.И. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП / А.И. Соболев. - Улан-Батор: Госиздат, 1978. - 215 с.
89. Сороковиков, И.А. На заре советско-монгольской дружбы / И.А. Сороковиков // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. - Улан-Удэ, 1965. - Вып.2. - С.117-125.
90. Титаренко, М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений / М.Л. Титаренко. - М.: ПОО «Фабула», 1994. - 318 с.
91. Тихвинский, С.Л. Россия и Монголия: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка / С.Л. Тихвинский. - М.: Памятники исторической мысли, 1996. - 253 с.
92. Улымжиев, Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов / Д.Б. Улымжиев. - Улан-Удэ: БГПИ им. Д. Банзарова, 1961. - 159 с.
93. Хейфец, А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921-1932 гг. / А.Н. Хейфец. - М.: Наука, 1968. - 327 с.
94. Чимитдоржиев, Ш.Б. Кто мы - бурят-монголы? / Ш.Б. Чимитдоржиев. - Улан-Удэ: [б.и.], 1991. - 320 с.
95. Чимитдоржиев, Ш.Б. Россия и Монголия / Ш.Б. Чимитдоржиев. - М.: Наука, 1987. - 235 с.
96. Шепелев, В. «Монгольский вопрос» на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) / В. Шепелев // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. - М., 1996. - вып. 8. - 63 с.
97. Ширендыб, Б. История Монгольской Народной революции 1921 г. / Б. Ширендыб. - М.: Востлит, 1971. - 399 с.
98. Шойжелов, С. Политика японского империализма в Монголии / С. Шойжелов // Большевик. - 1935. - № 15. - С.24-29.

99. Шойжелов, С.А. Материалы и документы по истории национально-революционного движения монгольских скотоводов / С.А. Шойжелов. - М.: [б.и.], 1930. - 112 с.
100. Яскина, Г.С. Монголия: смена модели развития / Г.С. Яскина. - М.: АПК РАН, 1994. - 364 с.
101. Яскина, Г.С. Монголо-японские отношения в годы второй мировой войны / Г.С. Яскина // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. - М., 1996. - Гл.12. - С. 95-98.
102. Blosson, T.A. Outer Mongolia. A New Danger Zone - the Far East / T.A. Blosson // Foreign Policy Report. - New York, 1935. - p. 15.
103. Foreign Affairs, 1933, January, vol.21. - p. 57-65.
104. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences in Cairo and Teheran. 1943. - Wash., 1961. - p.325-326, 367 (FRUS).
105. FRUS. Diplomatic Papers. Conf. of Berlin. - Wash., 1960. -Vol.11. - p. 1587
106. Karr, E.H. International Relations Between the two world wars. 1919-1939 / E.H. Karr. - Lond., 1948. - p.247.
107. Rupen, R. How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People Republic. 1900-1978 / R. Rupen. - Stauford, 1979. - p.18.
108. Tang, P.S.H. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931 / P.S.H.Tang. - Durham, 1959. - p. 46.
109. Trumen, H. The Year of Decision / H. Trumen. - Wash. - U.,1955. - p. 317.

Приложение 1.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

**Краткие биографии политических деятелей,
упомянутых в дипломной работе**

Ажвагийн Данзан (Ажвагийн Данзан); (1895-1932), известен под псевдонимом - «Япон Данзан» (буквально «Японский Данзан»), был председателем МНРП с 2 января 1923 по 31 августа 1924 года.

Ажвагийн Данзан вступил в МНРП в 1921 году. В 1922 был избран заместителем председателя ЦК партии и занимал этот пост по 1923 год, когда был избран председателем ЦК МНРП. Активно принимал участие в 1924 г. в отстранении от должности бывшего председателя МНРП Солийна Данзана, обвинённого в контрреволюции.

Занимал различные руководящие партийные должности в МНРП. Был дипломатическим представителем в СССР (1925-1926), затем в Китае (1926-1928). С 1929 по 1931 год работал в МНР. Являлся политическим соратником премьер-министра Анадндына Амора.

В 1932 году А. Данзан - подвергся критике в «правом» уклоне (за высказывание националистических идей). В дальнейшем – был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Японии. Скончался в тюремной камере в 1932 г., не дожив до суда.

Анандын Амор (Агданбуугийн Амар); (1886-1941) - монгольский политик, лидер Монголии в конце 1920 - начале 1930 гг.

Активно соперничал за власть с П. Гэндэном и Х. Чойбалсаном. А. Амор - премьер-министр МНР с 1928 г. по 1930 г., председатель Малого Хурала с 1934 по 1936 г., председатель Совнаркома с 1936 г. по 1939 г.

Потерпел политическое сокрушительное поражение в борьбе за власть с Х Чойбалсаном. Арестован 1 марта 1939, отправлен в СССР где и был приговорён к смертной казни. Расстрелян 27 июля 1941 г. Автор книги «История Монголии».

Догсомын Бодоо (1885-1922) - политический деятель Монголии.

С марта 1921 г. - министр иностранных дел Народного правительства. В апреле 1921 по 1922 г. совмещает эту должность с постом премьер-министра МНР. В сентябре 1921 г. участвовал в комиссии по подготовке монголо-советского договора о дружбе. В составе монгольской делегации в РСФСР встречался с Лениным.

7 января 1922 г. уходит с поста премьер-министра. Обвинен Сухэ-Батором и Солийн Данзаном в религиозном покровительстве «ламства» в Монголии. Д. Боодо был объявлен «врагом народа» и был казнён 31 августа 1922 г.

Ио́ффе Адóльф Абра́мович (1883-1927) - российский революционер, дипломат СССР, видный партийный деятель.

С 1922 г. - чрезвычайный посол в Китае и Японии. С июня 1922 г. – полномочный представитель СССР в Китае. Видный деятель Коминтерна, активно содействовал сближению КПК и Гоминьдана. Проводил политику сближения СССР и Китая за счет отказа от активной поддержки суверенности МНР.

Из-за тяжелой болезни (полиневрит) покончил жизнь самоубийством в ноябре 1927 г.

Ли Дачжао (1888-1927) - китайский философ. Один из основателей Коммунистической партии Китая, один из первых китайских марксистов и коммунистов.

Литвинов Максим Максимович (1876-1957) – российский революционер, дипломат СССР, видный государственный деятель.

Член ЦИК СССР 2-7 созывов, депутат Верховного Совета СССР 1-2 созывов. В 1930-1939 г. - нарком по иностранным делам СССР. В 1939 г. подвергнут критике со стороны Молотова и был выведен из ЦК КПСС. В 1941-1946г. заместитель наркома иностранных дел.

Скончался от инфаркта 31 декабря 1951 г.

Пайкес Александр Константинович (1873-1958) - государственный деятель. Член РКП(б) с 1918 г.

В 1921–1922 гг. уполномоченный СНК РСФСР в Китае, в 1922–1923 гг. полномочный представитель РСФСР в Литве. С 1923 г. в ВСНХ СССР.

Солийн Данзан (1885-1924) – видный монгольский политический деятель. Один из основателей МНРП.

Занимал должность министра финансов в составе временного Народного правительства и сформированного 10 июля 1921 постоянного Народного правительства Монголии. С 3 марта по 26 сентября 1921 года был председателем ЦК МНРП. Вёл политическую борьбу за руководство МНРП с Д.Боодо, затем с Сухэ-Батором.

Обвинен Э. Ринчино и Б. Дамбадоржем в контрреволюционной деятельности и в отравлении Сухэ-Батора в августе 1924 г. Расстрелян в том же году.

Дамдин Сухэ-Батор (Дамдины Сухбаатор); (1893-1923) – видный монгольский государственный деятель.

Один из основателей МНРП. С 1921 по 1923 гг. занимал посты военного министра и главнокомандующего МНР.

Умер от простуды 14 февраля 1923 г. Факт его отравления в настоящее время не подтвержден.

Ли Лисань (1899-1976) - китайский революционер, один из основателей КПК.

Прекрасный оратор. В конце 1920-х гг. фактически руководил КПК. Занимал различные руководящие посты в КПК с 1926 по 1954 гг.

Под давлением хунвэйбинов в период «Культурной революции» покончил жизнь самоубийством в 1957 г.

Карахан Лев Михайлович (Караханян); (1889-1937) – российский революционер, дипломат СССР.

С 1923 по 1926 гг. полномочный представитель СССР в Китае. С 1926 по 1934 гг. занимал должность заместителя НКВД СССР.

В мае 1937 г. подвергся сталинской репрессии. 20 сентября 1937 г. был казнен. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Пу И (1906-1967) - последний император государства Цин.

С 1932 года Верховный правитель, а с 1934 император Маньчжоу-го, генералиссимус и главнокомандующий Маньчжурской императорской армией.

С 1945 по 1949 гг. был военнопленным на территории СССР. С 1950 г. возвращен в Китай, где содержался в «лагере перевоспитания» до 1959 г. Освобожден лично Мао Цзэдуном.

Скончался от рака печени в 1967 г.

Фэн Юйсян (1882-1948) - китайский военный и политический деятель; маршал Китайской республики с 1927 года.

Хорлогийн Чойбалсан (1895-1952) – видный политический и военный государственный деятель Монголии.

С 1924 по 1939 гг. занимал различные руководящие посты в МНРП. Маршал МНР с 1936 г. - возглавлял монгольскую армию во время событий на Халхин-Голе и во второй мировой войне. С 1936 по 1952 гг. обладал неограниченной властью в Монголии. Организовал массовые репрессии. В МНР был создан культ Чойболсана, схожий с культом Сталина.

Скончался 26 января 1952 г.

Чичерин Георгий Васильевич (1872-1936) - российский революционер, советский дипломат.

Возглавлял НКВД РСФСР и СССР с 1918 по 1930 гг. Принимал активное участие в формировании внешней политики СССР к МНР.

Умер 6 июня 1936 г.

Чжан Сюэлян (1901-2001) - Правитель Маньчжурии в 1928-1931 гг., один из ведущих деятелей гоминьдановского движения.

Был арестован Ч. Канши в декабре 1936 г. Его домашний арест продлился более 50 лет.

Скончался от пневмонии на 101-ом году жизни

Чан Канши (1887-1975) - видный политический и военный государственный деятель Китая.

Последователь идей Сунь Ятсена. Возглавлял движение Гоминьдан с 1925 по 1975 г. Был президентом Китайской Республики (Тайвань) с 1946 по 1975 гг.

Скончался 5 апреля 1975 г.

Шумяцкий Борис Захарович (1886-1938) - советский государственный деятель, революционер, дипломат, журналист.

В 1921-1922 был уполномоченным НКВД. Создал первое революционное правительство МНР. Активный участник МНР. Участвовал в создании органов руководства МНР.

Награждён званием «Почетный гражданин Монгольской Народной Республики» и орденом Красного знамени Монголии №1.

В январе 1938 г. попала под сталинскую репрессию. 28 июля 1938 г. был казнен. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Цыбен Жамцаранович Жамцарано (1881-1942) - монгольский учёный.

Бурятский, монгольский и советский учёный, общественно-политический деятель, один из создателей социалистического строя монголов. Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор филологических наук.

Арестован в декабре 1937 г. за контрреволюционную деятельность. Приговорен в 1940 г. к 5-ти годам тюремного заключения. Умер в 1942 г. Илецкой тюрьме. Реабилитирован посмертно.

Цэрэн-Очирын Дамбадорж (1900 - июня 1934) - руководитель МНРП, видный государственный деятель.

Секретарь ЦК МНРП с 1921 по 1923 гг. Избирался председателем ЦК МНРП в 1924-1928.

На VII съезде снят с занимаемого поста за «правый уклон». Был направлен в Москву в качестве торгового представителя при посольстве Монголии. Умер там 25 июня 1934 года, возможно, в результате отравления

Цэрэндорж Балингийн (1868 -1928) – видный монгольский государственный деятель и дипломат.

Член МНРП с 1921 г. Участвовал в подписании Соглашения о дружественных отношениях между Монголией и РСФСР (5 ноября. 1921).

В 1922-28 неоднократно избирался в состав Президиума ЦК МНРП. Делегат II–VI съездов партии. Депутат Великого хурала (парламента) МНР 1-6-го созывов. Премьер-министр МНР и председатель Совета Народных Комиссаров МНР с 1923 по 1928 гг.

Скончался 13 февраля 1928 г.

Элбэк-Дорж Ринчинович Ринчинó (1888 – 1938) - государственный и военный деятель, один из лидеров революционного и национального движения бурятского народа, активный член Коминтерна.

Автор идеи создания Бурят-Монгольской Республики. Активный участник МНР. В 1921-1925 гг. - председатель Реввоенсовета МНР, член ЦК МНРП.

Внес значительный вклад в развитие национально-освободительного движения и становления независимой Монголии. Видный идеолог идей панмонголизма.

Летом 1938 г. был обвинен в антисоветской деятельности. Был расстрелян в Иркутске 23 июня 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1955 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УКАЗАТЕЛЬ МОНГОЛЬСКИХ ТЕРМИНОВ

Аймак - административная единица, область.

Алба - повинность, подать.

Арат - скотовод-кочевник.

Баргúты, Баргá- монголоязычный народ, проживающий, на севере Внутренней Монголии в Китае.

Богдо-гэгэн - титул главы ламаистской церкви в Монголии.

Богдо-хан - титул маньчжурского императора и теократического монарха в Монголии; глава теократической монархии в Монголии в 1911 - 1924 гг.

Ван - княжеский титул.

Великий народный хурал - высший орган государственной власти МНР.

Гамины - монгольское презрительное название солдат и офицеров китайских оккупационных войск.

Гун - княжеский титул.

Далай-лама - титул главы церкви; буддийский первосвященник.

Дзут - стихийное бедствие, бескормица.

Дунд хумуус - среднее сословие в дореволюционной Монголии.

Жас (джаса) - монастырское хозяйство.

Засаг - владетельный князь.

Лама - буддийский монах в Тибете и в Монголии.

Монгóльская Нарóдная Респу́блика (МНР) - социалистическое государство в Центральной Азии, существовало с 1924 по 1992 годы..

Монгольская народная революция, также Аратская революция произошла в 1921 г. Была направлена на ограничение богдо-ханской монархии.

Монгóльская наро́дно-революцио́нная па́ртия - левая политическая партия современной Монголии, до 1990 г. основывалась на коммунистической идеологии. В 1921-1996 и 2000-2004 годах - правящая. В настоящее время является одной из ведущих политических сил Монголии.

Номадизм - образ жизни, основанный на кочевом скотоводстве.

Нойон - князь.

Панмонголизм - движение за объединение монгольских народов в единое государство.

Сайн хумуус - благородное, высшее сословие.

Сомон, или Сум, или Суму, или Сумон - наименьшая административно-территориальная единица Монголии, Внутренней Монголии (КНР) и, а также России (Республика Тыва).

Тайджи (Тайж) - невладетельные князья.

Тугрик - денежная единица республики Монголия. Один **тугрик** состоит из 100 мунгу. В настоящее время мунгу уже не используется. **Курс тугрика** в период Второй мировой войны: 1Т = 1,3 **рубля**.

Хошун - административная единица, княжеское владение.

Худон - сельская местность.

Хутухта - высокий монашеский сан, святой.

Цоржи - настоятель буддийского монастыря.

Цирик - солдат.

Чуулган - съезд монгольских князей, орган местного самоуправления.

Шандзотба - казначей монастыря или общины.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР - Академия наук Монгольской Народной Республики

АПО - аратское производственное объединение

АТР - Азиатско-Тихоокеанский регион

ВНХ - Великий Народный хурал

Демсоюз - Демократический союз

Монголбанк - Центральный банк Монголии

Монценкооп - Монгольский центральный кооператив

МНР - Монгольская Народная Республика

МНРП - Монгольская народно-революционная партия

МДП - Монгольская демократическая партия

МНДП - Монгольская национально-демократическая партия

МНП - Монгольская народная партия

МПНП - Монгольская партия национального прогресса

МРСМ - Монгольский революционный союз молодежи

СХО - сельскохозяйственное объединение

СЭВ - Совет экономической взаимопомощи

ТНР - Тувинская Народная Республика.